

ПОЛИНА ДАШКОВА

Питомник

I

«Астрель»

ДЕТЕКТИВ

Полина Дашкова

Питомник. Книга 1

«АСТ»

2000

Дашкова П. В.

Питомник. Книга 1 / П. В. Дашкова — «АСТ», 2000

Благими намерениями выстлана дорога в ад. Настоящим адом для подростков-сирот стал семейный детский дом в Подмосковье. «Благодетели», не жалеющие денег на его содержание, с помощью криминальных «учителей» готовят себе достойных помощников, развращая тела и души детей.

© Дашкова П. В., 2000

© АСТ, 2000

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	27
Глава четвертая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Полина Дашкова

Питомник

Книга 1

«...ибо из всех законов Природы, возможно, самый замечательный – выживание слабейших».

Владимир Набоков

Глава первая

После бесконечной слякотной зимы с тяжелыми снегопадами, после апрельских заморозков и унылых майских дождей в Москву наконец пришло настоящее лето. Июнь начался ярко, жарко, и каждый солнечный день казался праздником. Ночами гремели грозы, но к рассвету не оставалось ни облачка, восторженно кричали воробы и сверкающие капли сыпались с деревьев.

В маленьком дорогом кафе в одном из тихих переулков неподалеку от Таганской площади впервые решили выставить три столика на открытую веранду, окруженную старыми липами. Кафе открывалось в полдень, и ровно в полдень явился первый посетитель – мужчина в белом летнем костюме. Он выглядел больным и помятым, словно провел бессонную ночь и утром не умывался.

Переулок был залит солнцем, внутри кафе казалось темно. Посетитель тревожно огляделся, и метрдотель в бабочке предложил ему пройти на веранду. Посетитель кивнул, выбрал столик у ограды и упал на стул так тяжело, что хлипкие алюминиевые ножки подкосились. Если бы не решетка за спиной, он непременно бы рухнул на плиты и расшиб голову. Но решетка спасла, мужчина вскочил, его качнуло, и тут же к нему подлетел испуганный официант.

– Вы не ушиблись? – спросил он, придерживая посетителя за локоть и заглянув в глаза. Официанту показалось, что гость пьян, ноздри его затрепетали, профессионально принявшись. Но пахло только хорошим одеколоном. Льняной костюм был измят и несвеж, однако выглядел дорого, и ботинки не вызвали сомнений. Официант всегда сначала нюхал подозрительных посетителей, потом смотрел на обувь.

– Мне надо сесть. Стул сломан, – произнес гость тяжелым отрывистым басом.

– Вот, пожалуйста, присаживайтесь, – официант пододвинул ему другой стул и смахнул с белоснежной скатерти невидимые крошки. Гость уселся, задрал рукав и взглянул на хорошие швейцарские часы.

Безусловно, посетитель был приличным человеком, но все-таки выглядел странно.

Есть известная детская игра, когда один рисует голову, другой туловище, третий ноги, потом разворачивают листок и смотрят, что получилось. Человек в белом костюме состоял из таких, вслепую нарисованных частей. Голова его была слишком велика для хрупкой шеи, узкие худые плечи никак не соответствовали увесистой нижней части туловища, которая, в свою очередь, контрастировала с журавлиными ногами и широкими плоскими ступнями сорок пятого размера. Светло-желтые волосы, несмотря на тонкость и мягкость, упрямо торчали в разные стороны, как перышки мокрого цыпленка. Круглое лицо, украшенное маленьким упругим носиком и большими, выпуклыми шоколадными глазами, сохранило детские пропорции, и если бы не тяжелый, почти стариковский бас, можно было бы принять его за нездорового сонного подростка.

Тени дрожащих липовых листьев падали на скатерть, осыпали костюм, лицо и руки посетителя крупной нервной рябью, и оттого казалось, что человека колотит лихорадка. Не раскрывая книжки меню, он рывкнул громко и грубо:

– Кофе!

– Эспresso? Капучино? По-восточному? – ласково уточнил официант.

– По-восточному. Крепкий и сладкий. – Мужчина вдруг вскочил как ошпаренный и закричал: – Лиля! Я здесь!

Официант оглянулся. На веранде появилась женщина лет тридцати пяти, маленькая аккуратная блондинка в бело-розовом платье. Легко процокали острые каблучки белых туфель, пахло жасмином, и официант отметил про себя, что дама пользуется старомодными, но приятными духами «Диориссимо».

– Привет, – сказала блондинка, бережно расправила платье и села напротив мужчины. Светлые брови сдвинулись, уголки свежего пухлого рта опустились вниз, приятное круглое лицо стало напряженным. Было заметно, что она совсем не рада встрече. Официант вернулся к столу и вопросительно взглянул на женщину.

– Лиля, что тебе заказать? – Мужчина оскалил в улыбке прокуренные крупные зубы.

– Ничего. Просто стакан воды. Минеральной, без газа.

– Может, кофе? – предложил официант.

– Спасибо, не надо.

– Вот, я принес тебе, чтобы ты посмотрела, где я работаю, – пробормотал мужчина. Он принялся неловко рыться в мягкой кожаной сумке и наконец извлек глянцевого толстого журнала. На обложке под кровавым названием «Блюм» извивалась обнаженная лысая девушка, отлитая из ртути.

– Спасибо. – Блондинка машинально пролистала страницы и вдруг замерла, вскинув на мужчину светло-серые прозрачные глаза. В руках у нее был белый плотный конверт, который она обнаружила между страницами. – Что это? – спросила она грозно.

– А ты открой, посмотри, – лицо его растянулось в глупой улыбке.

Блондинка заглянула в конверт, тут же бросила его на стол и резко встала:

– Все, нам не о чем разговаривать.

– Лиля, подожди, ты что?! – испугался он и схватил ее за руку. – Ну на фига ты выпендриваешься, а? Тебе бабки не нужны? Или, может, мало? Ты хотя бы посчитай.

– Во-первых, разговаривай со мной по-человечески, тебе не пятнадцать лет. Во-вторых, убери это, на нас смотрят, – она покосилась на официанта, которой замер у столика с бутылкой воды на подносе.

– Сядь, пожалуйста, очень тебя прошу, сядь. Ты разве не видишь, как мне плохо? – жалобно простонал мужчина.

– Тебе всегда плохо, – сердито заметила блондинка, но все-таки села. – Я тебя внимательно слушаю. Зачем ты меня сюда пригласил? – Она уставилась на него в упор, от напряжения глаза ее стали совсем прозрачными.

– Это я тебя слушаю, – он закашлялся, лицо налилось кровью, – объясни, будь добра, почему я не могу прийти? – пролаял он, схватил салфетку и шумно высморкался.

– Потому, что я тебя не приглашаю, – с вежливой улыбкой ответила женщина.

Мужчина шлепнул на стол пачку «Мальборо» с ментолом, долго не мог вытащить сигарету и прикурить. Каждое его движение казалось слишком резким и неловким. Он либо сильно нервничал, либо был болен, а возможно, и то, и другое. Блондинка, напротив, выглядела человеком здоровым и спокойным.

– Но я хочу прийти, – произнес он, затягиваясь и выпуская дым из ноздрей, – это же бред, Лиля! Что значит, ты не приглашаешь? Мы взрослые люди.

– Это ты взрослый? – Она засмеялась, сверкнув мелкими белоснежными зубками. – Ты взрослый? Ой, я тебя умоляю...

– Не вижу ничего смешного. Я уже купил подарок, и вообще, ты не имеешь никаких прав, по документам ты никто.

– Вот как? – Она склонила голову набок и высоко подняла брови. – Ну, если на то пошло, настоящие документы у меня, они в полном порядке, и в них твое имя нигде не зафиксировано. – Лиля залпом выпила воду. – Как раз ты никто, а я совсем наоборот. Скажи спасибо своей предприимчивой маме. Она все отлично устроила.

– Вот маму давай оставим в покое, – Олег избегал смотреть ей в глаза и уставился в свою кофейную чашку, – сейчас не о ней речь. Допустим, ты не хочешь, чтобы я приходил. Что дальше?

– Дальше я собираюсь обращаться в официальные инстанции, заявлять о подлоге документов и не только. Есть кое-что более серьезное. Значительно более серьезное.

– Слушай, ты можешь выражаться яснее, без этих дурацких намеков?

– Пока не могу. Но обещаю, что скоро все мои неясные намеки прояснятся.

– Нет, а что произошло? Ты спокойно жила все эти годы и вдруг взорвалась ни с того ни с сего. В чем дело? Десять лет ситуация тебя полностью устраивала, а теперь ты собираешься обращаться, как ты выразилась, в официальные инстанции. В суд, что ли?

– Совершенно верно, в суд.

– И в чем ты нас обвиняешь?

– Тебя ни в чем. А вот матушку твою гениальную я обвиняю. И поверь, это очень серьезно.

– Ой, ну хватит, – он махнул рукой, – неужели тебе охота затевать всю эту бодягу, вмешивать кретинов-чиновников в наши семейные дела? В конце концов все происходило по твоему молчаливому согласию. Тогда надо было думать, десять лет назад. А сейчас поздно и глупо.

– Да, – кивнула она, – поздно и глупо. Не спорю.

– Ну, и зачем тебе это нужно? Объясни, чего ты хочешь, давай спокойно все обсудим, договоримся.

– Мы никогда не договоримся, – блондинка тряхнула короткими вьющимися волосами, – я согласилась встретиться с тобой только потому, что мне тебя очень жаль. Но учти, эта жалость ничего в моих планах не изменит. И все, хватит об этом.

– Хватит?! – выкрикнул мужчина неожиданно визгливым голосом. – Что значит хватит? Ты долго будешь надо мной издеваться? Сидишь, спокойная, вежливая, и угрожаешь судом! – Он раздавил сигарету, обжег палец, поморщился и поднес его к губам. – Что мы тебе сделали? Десять лет никаких претензий, и тут вдруг, без всякого предупреждения...

– Не кричи, Олег, – в светло-серых глазах мелькнула жалость, – ты ничего мне не сделал, ты вообще вряд ли способен на какие-либо сознательные действия. А вот мама твоя... Ладно, я сказала, лучше не надо об этом. Я не издеваюсь над тобой. Пожалуйста, давай прекратим этот разговор. Ты слабый, глубоко несчастный человек, я уже сказала, мне тебя очень жаль. Прости, мне пора. – Она поднялась и, взглянув на него сверху вниз, тихо добавила: – Тебе лечиться надо, ты очень плохо выглядишь. Все, до свидания.

– Подожди, – он поймал ее руку и потянул так резко, что она чуть не упала, – сядь, ты ничего не объяснила, и главное, ты не объяснила, почему я не могу прийти?

– Потому, что это мой дом и я не хочу тебя там видеть. Если ты явишься, я просто не открою дверь.

– Господи, ну почему? – простонал он.

– А тебе не приходит в голову, что мне очень больно видеть тебя в своем доме? Да, ты ничего не сделал. Однако твое бездействие было хуже преступления. Даже статья такая есть в

Уголовном кодексе: оставление в беспомощном состоянии. Я знаю, ты был еще беспомощней, чем Ольга, но ее нет, а ты жив. Не приходи, очень тебя прошу.

– Значит, я виноват, что жив? Ну, прости, эту вину я искуплю. Не сейчас, конечно. Дай мне срок еще лет двадцать или тридцать. Хорошо?

– Перестань, – устало вздохнула Лиля, – хотя бы сейчас не юродствуй.

Он открыл рот, помотал головой, привстал, опершись на стол, выпуклые карие глаза вспыхнули, что-то должно было сорваться с языка важное, резкое, но не сорвалось. Глаза угасли, медленно, как свет в кинотеатре.

– Возьми подарок, – буркнул он и достал из кармана маленький красный футляр, – здесь сережки золотые, она ведь любит всякие побрякушки.

– Спасибо. Это очень трогательно. Но у нее не проколоты уши и вместо радости будет одно расстройство. А вот журнал я возьму. Никогда подобных изданий в руках не держала. Что значит «Блюм»?

– Ничего. Просто звучит красиво.

– Там есть твои статьи?

– Нет. Я же сказал, я заместитель главного редактора, сам пишу очень редко, – ответил он отрывистым механическим басом и впервые взглянул ей в глаза: – Лиля, десять лет назад твоя сестра покончила с собой. В этом никто не виноват. Я обещаю, что не появлюсь в твоём доме до тех пор, пока ты сама меня не пригласишь. Но ответь мне на единственный вопрос: что изменилось? Почему ты вдруг стала кого-то обвинять в ее смерти?

Она ничего не ответила, аккуратно положила журнал в пакет, встала и ушла.

Олег смотрел ей вслед, губы его шевелились. Подошел официант, чтобы забрать чашку с остывшим, нетронутым кофе, и услышал:

– Гадина... сука... ненавижу...

А женщина, прежде чем покинуть кафе, зашла в туалет. Несколько минут она стояла перед зеркалом, закрыв глаза. Плечи ее вздрагивали, по щекам текли черные от туши слезы. Уборщица, сидевшая за столиком с вязаньем в руках, посмотрела на нее и спросила:

– Доченька, тебе плохо?

– Ничего, соринка в глаз попала, – ответила Лиля, умылась холодной водой, потом, вытряхнув все содержимое из белой лаковой сумочки, стала приводить себя в порядок, подкрасила ресницы, губы, попудрилась, не глядя, бросила все назад, в сумку, и ушла.

* * *

В половине четвертого утра патрульная милицейская машина чуть не сбила женщину в пустом переулке. Район был спальный и считался сравнительно спокойным, никаких вокзалов, гостиниц, ночных клубов. Патрульная группа расслабилась. Только что кончилась гроза, на этот раз вялая, ленивая, но дождь все шел и заметно похолодало. В салоне было тепло и уютно. У младшего лейтенанта Телечкина имелся двухлитровый термос с крепким кофе, у капитана Краснова была копченая курица. Собирались остановиться в каком-нибудь дворе и перекусить.

Женщина выросла из-под земли. Водитель едва успел притормозить. Маленькая, полная, она застыла посреди дороги и не двигалась, не реагировала на визг тормозов, ослепительный свет фар в лицо, крик водителя. На ней было надето что-то широкое, белое, и в мертвенном фонарном свете, в дрожащей пелене дождя она казалась привидением.

– Давай-ка, Коля, вылези, разберись, – приказал младшему лейтенанту Телечкину капитан Краснов.

– Наколота или бухая, – проворчал Коля, – из-за такой дуры вылезать под дождь...

Приблизившись, он заметил, что это вовсе не взрослая женщина, а девчонка лет пятнадцати, босая, в каком-то балахоне, вроде халата или ночной рубашки.

– Ну точно, наколотая, – повторил лейтенант и громко спросил: – Тебе что, жить надоело?

– Я убила тетю Лилю, – медленно произнесла девочка, глядя на лейтенанта сумасшедшими глазами. Она картавила, не выговаривала «л», голос у нее был звонкий, чистый, совсем детский.

– Чего?

– Второй Калужский переулок, дом восемь, корпус два, квартира сорок.

Телечкин стоял в глубокой луже и чувствовал, как пропитываются холодной влагой ботинки, как за шиворот капает дождь. Еще минута, и он промокнет насквозь. Взглянув на светящуюся табличку, прибитую к ближайшему дому, лейтенант прочитал: «1-й Калужский переулок».

– Ладно, пошли в машину, разберемся, – он взял ее за локоть, она не сопротивлялась, покорно села в машину и громко повторила:

– Я убила тетю Лилю.

– Тебе сколько лет? – поинтересовался капитан Краснов и брезгливо поморщился. От девочки исходил странный запах, нет, не бомжовская вонь, что-то другое. «Лук, – догадался капитан, – репчатый лук. Для того чтобы так разило, надо полкило сожрать, не меньше. Закусывала она им, что ли?»

– Четырнадцать, – ответила девочка и, помолчав, добавила: – Коломеец Люся, восемьдесят пятого года.

– Так, и кого же ты убила, Люся Коломеец?

– Тетю Лилю. Второй Калужский переулок, дом восемь, корпус два, квартира сорок. Она там лежит на кухне в грязном халате, молчит и не шевелится. Надо «скорую» вызвать, но я боюсь врачей.

– А чего так? – спросил Телечкин с дурацким смешком.

– Уколы будут делать. Больно, – ответила девочка и задумчиво добавила: – Они злые, им нравится делать больно. Говорят, ничего, потерпи, а как терпеть, когда больно? Потом вообще руки-ноги сводит и в голове бурчит.

Сидевший за рулем сержант Сурков поймал в зеркале взгляд Краснова и выразительно закатил глаза.

– Бурчит обычно в животе, – заметил лейтенант Телечкин.

– Это если капусты много съешь, тогда да, в животе, – кивнула девочка, – а когда делают укол от плохого поведения, тогда в голове начинается, знаете, бурр-бурр, как будто там внутри что-то шевелится и хлопает.

– Тетя Лиля тебе кто? – спросил после долгой паузы капитан Краснов.

– Как кто? Тетя. Мама моей сестра.

– А мама где?

– Умерла, – сообщила девочка с легким вздохом, – еще давно, когда я маленькая была. Сначала мама, потом бабушка. Осталась одна тетя Лиля.

– Отец есть?

– Не-а. Никого нет. Только тетя Лиля.

– Так чего же ты тетю свою, родную-единственную, убила? – спросил Телечкин и сухо откашлялся.

Она не ответила.

Переулок был утыкан фонарями, машина ныряла из света в темноту, лицо девочки то вспыхивало, то исчезало, и лейтенанту стало не по себе. Он не мог толком разглядеть девочку, и ему вдруг пришло в голову, что она не совсем живая, что-то вроде зомби.

Луковый запах напоминал приторную трупную вонь, длинные волосы слиплись, глаза светились, как гнилушки, на лбу и на носу белели какие-то пятна, похожие на плесень.

Голос, чистый, высокий, спокойный, с трогательной детской картавостью, звучал сам по себе, отдельно, словно принадлежал другому, более привлекательному существу.

«Меньше надо ужастиков смотреть, – раздраженно заметил про себя Телечкин, – ребенок как ребенок. Просто с головой не все в порядке, лицо какой-то мазью намазано и лук поедает в огромных количествах».

– Вот здесь направо, во двор, это дом восемь, корпус один, а корпус два следующий, – сообщила девочка и добавила: – Только вы первые идите. Я боюсь.

Дверь оказалась открытой. Везде горел свет. Пахло чистотой, лавандой и хорошим туалетным мылом. Это была обычная малогабаритная «распашонка» с крошечной прихожей и двумя смежными комнатами. На кухне, сквозь дверной проем, виднелись ноги в узорчатых шерстяных носках.

– Извините, вы не могли бы снять ботинки? На улице грязно, – звонко произнесла девочка и принялась старательно вытирать босые ступни о коврик.

– Чего? – переспросил Краснов и, взглядевшись в ее лицо, заметил на лбу и на носу белые пятна какой-то густой мази.

– Там тапочки в шкафчике. Тетя Лиля не разрешает в уличной обуви заходить в квартиру. Что вы на меня так смотрите? Это я пастой от прыщиков намазалась.

Больше она не сказала ни слова, прошла в комнату, села за стол, сложила руки на коленях и уставилась в одну точку. На вопросы не отвечала, словно оглохла. До приезда опергруппы и следователя решили ее не трогать. Лейтенант Телечкин отправился за понятыми.

Труп находился на кухне, в полусидячем положении. На вид убитой можно было дать лет сорок, не больше. Холеная, светловолосая, с гладким правильным лицом, она как будто просто села на пол, прислонившись спиной к батарее и вытянув ноги. На ней был теплый махровый халат и узорчатые пушистые носочки. На нежно-розовой мягкой ткани темнели огромные пятна крови. Судя по количеству крови, было нанесено не меньше десятка ножевых ранений. Тут же валялось орудие убийства – длинный кухонный нож с черной пластмассовой ручкой.

Дело не сулило никаких сложностей. Банальное бытовое убийство. Слабоумная девочка-подросток зарезала свою тетю и сама в этом призналась. Понятые, пожилая пара из соседней квартиры, сначала долго охали, потом сообщили шепотом, что Люся сирота, больна с рождения.

– Все ясноенько, чистенько, никаких вопросов, – глубокомысленно заметил Краснов и вздохнул: – Мечта, а не трупик.

– Да уж, мечта, – эхом отозвался Телечкин и попробовал усмехнуться.

Вместо усмешки вышла безобразная гримаса. Встретившись взглядом со своим отражением в овальном зеркале, лейтенант окончательно скис. На физиономии его отчетливо читались страх, жалость к убитой женщине и прочие не поддающиеся описанию чувства, которые переполняли его душу, подступали к горлу и казались Коле Телечкину позорными для нормального мужика, а тем более – для милиционера.

Опергруппа прибыла через двадцать минут. И надо же такому случиться, что дежурным следователем оказался Илья Никитич Бородин. Он славился на весь округ поразительной способностью запутывать и усложнять самые простые дела. Маленький, полный, с тихим монотонным голосом, он своим интеллигентным занудством сводил с ума даже самых терпеливых оперативников и экспертов.

Едва переступив порог и поздоровавшись, Бородин пробормотал, что для такой кровавой резни слишком уж здесь чисто.

– Как это? – удивился трассолог. – Вон кровищи сколько. Просто на убитой халат из толстой мягкой ткани, почти вся кровь впиталась.

– Я не об этом, – глухим нудным голосом стал объяснять следователь, – покойница нормальная женщина, порядочная, чистоплотная, видимо, законопослушная. К торговле и к про-

чему бизнесу вряд ли имела отношение. Достаток ниже среднего, если, конечно, в наше время существует понятие середины. Ограбление почти исключается, пьянка и пьяная драка исключаются совершенно, – он говорил очень тихо, как бы с самим собой, не обращая внимания на окружающих.

– Так это, – прошептал лейтенант Телечкин, склонившись к его уху, – девчонка убила, племянница. Она же сама призналась. Она больная, дебилка вроде. Такие не соображают, что делают.

– Слушайте, а что вы шепчете? У вас первый насильственный труп в жизни? – спросил Бородин, чуть повысив голос.

– Первый, – признался лейтенант и судорожно сглотнул.

– Ну, я так и понял. Вы бледный, вас, вероятно, тошнит, – следователь откровенно зевнул, прикрыв рот ладонью. Тяжелые веки делали его взгляд сонным, тусклым. Казалось, стоит старику приземлиться куда-нибудь, на стул или в кресло, и он тут же тихонько захрапит.

Колю действительно тошнило, и за это он себя ненавидел. В кармане нашлась пластинка жвачки, он развернул, сунул в рот. Тошнота прошла, мозги немного прочистились. Лейтенант впервые внимательно и спокойно огляделся в квартире, в которой находился уже полчаса. Не квартира, а кукольный домик, уютный, нарядный, как из мультфильма. Все светлое, ни одного темного пятна, кроме окровавленного тела хозяйки. На кухне белая мебель, белый линолеум, в комнатах бледно-желтый паркет, голубые, в розовый цветочек обои, шторы с оборочками, диван и два кресла обтянуты чехлами из такой же ткани, как шторы. На диване три большие куклы в кружевных платьях, в шляпках и башмачках. Куклами заполнен светлый полированный сервант. Посередине комнаты круглый стол, накрытый нежно-розовой вязаной скатертью с длинной бахромой, на столе хрустальная ваза с тремя тюльпанами, большая коробка шоколадных конфет «Черный бархат», перевязанная ленточкой.

– Что, гости приходили? – обратился Бородин к Люсе.

Телечкин думал, что она ответит молчанием, но ошибся. Девочка довольно живо откликнулась на вопрос Бородина, вздрогнула и выпалила во все горло:

– Нет!

– Значит, у кого-то день рождения?

– Нет, никакого рожденья, никого здесь не было, – она заерзала на стуле и густо покраснела, отчего пятна белой мази на ее лице стали еще заметней.

– А откуда цветы, конфеты?

– Просто так.

– Ну понятно, – кивнул Илья Никитич, – и кто же все это принес просто так?

– Никто, – девочка опустила голову и принялась заплетать косичку из бахромы скатерти.

– Люся, за что ты убила свою тетю? – мягко спросил Илья Никитич.

В ответ никакой реакции.

– Ну, хорошо, допустим, ты сама не понимаешь за что. Ты живешь с тетей или в гости приехала?

Люся закончила одну косичку и начала другую. Илья Никитич повторил свой вопрос, но девочка как будто опять лишилась слуха.

– Она сирота, – шепотом ответила за Люсю соседка, – жила вроде бы в какой-то специальной лесной школе под Москвой. Лиля раньше к ней ездила, а совсем недавно решила брать ее к себе на каникулы и на выходные. Просто пожалела. Знаете, она была совершенно одиноким человеком, ее сестра, мать Люси, погибла, а девочка больна, – соседка подошла ближе к Илье Никитичу и заговорила шепотом: – Мать употребляла наркотики, отец вообще неизвестен. Господи, какая трагедия. Вот, правильно говорят, нет ни одного доброго дела, которое осталось бы безнаказанным. Лиля была хорошим, чистым человеком, и, знаете, у нее был настоящий талант. Вот все, что есть здесь красивого, она сделала своими руками. Шторы, чехлы на мяг-

кой мебели, скатерть, – понятая всхлипнула и громко высморкалась, – честное слово, просто в голове не укладывается, такая трагедия...

– Ну да, ну да... – пробормотал Бородин, встал, подошел к стене и постучал костяшками пальцев. – Скажите, вы шум какой-нибудь слышали?

– Нет, – покачала головой соседка, – ночью было тихо. Я очень чутко сплю, и стенки здесь тонкие. Если что, я бы точно услышала.

– А вечером?

– Вечером тоже было тихо. Конечно, доносились какие-то звуки, голоса, но ничего тревожного.

– То есть криков, грохота мебели вы не слышали?

– Да что вы! Мы бы с мужем моментально прибежали бы на подмогу, вызвали бы милицию. У нас с Лилей были очень хорошие отношения.

– Может, у вас телевизор работал?

– Сломан, – почему-то с вызовом сообщила соседка и покосилась на мужа, который все это время молчал, то ли от нервного потрясения, то ли просто очень спать хотел. Лицо его оставалось непроницаемым.

– Что же вы делали вечером? – не удержавшись, встрял в разговор лейтенант Телечкин.

– Молодой человек, вы думаете, у пожилых людей, кроме как пялиться в телевизор, нет других занятий? – повернувшись к нему всем корпусом, надменно спросила женщина. – Если вас так интересует, что мы делали вечером, я скажу. Мой муж читал «Новый мир», а я перечитывала Голсуорси. Вам объяснить, что такое «Новый мир» и кто такой Голсуорси?

– Не трудитесь, – лейтенант вежливо улыбнулся, – «Новый мир» – толстый литературный журнал в голубой обложке. Голсуорси – английский писатель, автор «Саги о Форсайтах», – он поймал хитрый, одобрительный взгляд Бородина. Старик ему весело подмигнул, и Телечкин подмигнул в ответ.

– Илья Никитич, можно вас на минуту? – позвал медэксперт.

– Извините. – Бородин вышел в кухню.

– Смерть наступила не более двух часов назад, – произнес эксперт, закуривая и усаживаясь на табуретку, – зверь, а не ребенок. На теле восемнадцать ножевых ранений, шесть из них на спине. То есть она сначала убила, потом подтащила к батарее, усадила.

– И заметьте, все это как бы шепотом и на цыпочках, – добавил Илья Никитич, – стены фанерные, слышимость стопроцентная.

– Конечно, дом-то панельный, – кивнул эксперт и протянул Бородину открытую пачку сигарет, – угощайтесь.

– Спасибо, не курю, – Бородин присел на корточки у трупа, – между прочим, симпатичная была женщина.

– Да, ничего, – кивнул эксперт.

– Молодая, интересная, одинокая. Отличная хозяйка, чистюля, рукодельница, – Бородин задумчиво взглянул на эксперта, – знаете, женщины, которые вяжут ажурные скатерти, должны отличаться спокойствием и терпением.

– Вот это как раз могло вывести из себя психопатку-племянницу, – заметил эксперт.

– Восемнадцать ножевых ранений, – Бородин покачал головой, – так убивают во время дикой, пьяной драки, после громкой ругани. Как правило, жертва сама провоцирует убийцу и, конечно, сопротивляется, кричит.

– Так убивают психи, маньяки, – криво усмехнулся эксперт и выпустил аккуратное колечко дыма. – А если первый удар был нанесен неожиданно и попал в сердце, то нет ни крика, ни сопротивления.

– Сразу в сердце может попасть человек, который знает, где оно, – проворчал Бородин, – и рука должна быть точной, сильной. Конечно, возможны всякие случайности.

– Вольно же было рисковать, брать домой ребенка, который должен находиться в специальном учреждении, – эксперт пожал плечами и выпустил сразу три колечка дыма. – Знаете, с каждым новым насильственным трупом я все больше убеждаюсь, что у нас восемьдесят процентов населения страдает слабоумием. Совершенно бредовое убийство.

– Бредовое... – эхом отозвался Илья Никитич, – слушайте, а почему все-таки жертва не кричала, не сопротивлялась?

– Вы меня спрашиваете? – поднял брови эксперт.

– Да нет, себя, – улыбнулся Бородин, – просто размышляю вслух. Соседи говорят, вечером и ночью было тихо. И в квартире никаких следов борьбы...

– Малышка сначала напоила свою любимую тетюшку клофелином, а потом уж стала резать, – хмыкнул эксперт, – впрочем, для слабоумной это слишком хитро. Вскрытие покажет. Следы на посуде если и были, то милая детка все вымыла – пол, посуду. А может, она симулирует слабоумие? Хотя столько раз ударить ножом, это надо быть не просто психом – настоящим зверюгой. Вообще, чушь полная.

– Чушь, – кивнул Бородин.

Убитая, Коломеец Лилия Анатольевна, пятьдесят девятого года рождения, жила одна, детей не имела и, судя по паспорту, замужем никогда не была. Работала художником-дизайнером на игрушечной фабрике. В коробке с документами лежало свидетельство о смерти Коломеец Ольги Анатольевны, шестьдесят второго года рождения. Дата смерти – тридцатое июня восемьдесят девятого года, причина – суицид. Тут же имелось свидетельство о рождении Коломеец Людмилы Анатольевны. В графе «отец» стоял прочерк. Илья Никитич обратил внимание на дату: шестое июня восемьдесят пятого года. То есть вчера Люсе исполнилось пятнадцать.

– Люся, сколько тебе лет? – спросил он, не надеясь услышать ответа. Однако девочка произнесла громко и четко:

– Четырнадцать.

– А когда у тебя день рождения?

– Не знаю, – голова ее ушла в плечи, лицо ничего не выражало.

– Врет, – прошептал на ухо Бородину лейтенант Телечкин, – адрес знает и год рождения знает, не могла она забыть день и месяц, точно, не могла, вообще, она не такая психованная, как хочет казаться.

Бородин взглянул на него с интересом, молча кивнул и опять обратился к Люсе:

– Ты что, лук ела? Очень сильный запах.

– Нет. Я луком голову мажу, чтоб волосы лучше росли.

– Это кто тебя научил? Тетя?

– Нет, фельдшерица у мамы Зои.

– А кто такая мама Зоя?

– Кто? – испуганным шепотом переспросила девочка.

– Ну, ты только что сказала: мама Зоя.

– Я не говорила, я не знаю, спросите тетю Лилию, – глаза ее метались, веки дрожали, лицо стало багровым.

– Тетя Лилия умерла, – мягко произнес Бородин, – ты же сама сказала, что убила ее. Может, ты расскажешь, как ты это сделала?

– Никак.

– То есть ты ничего не помнишь?

– Помню.

– Что именно?

– Я убила тетю Лилию. Люся плохая. Воняет.

– Ну пойдем, ты мне покажешь, как все случилось.

Девочка замерла, как будто перестала дышать.

– Люся, пойдем на кухню.

– Нет. Я боюсь.

– А убивать не боялась?

– Нет! – громко прошептала девочка и тут же бессильно откинулась на спинку стула, закрыла глаза и быстро забормотала: – Не надо, пожалуйста, нет... кровь... я боюсь... не надо, ей больно... – Лицо ее побелело, губы продолжали шевелиться, но уже беззвучно.

Трассолог подошел к столу, потянулся к конфетной коробке, чтобы снять отпечатки. Люся дернулась, словно ее ударило током. Илья Никитич сдвинул брови и помотал головой, трассолог молча пожал плечами и удалился на кухню. В комнате повисла тишина. Девочка сидела с закрытыми глазами и беззвучно шевелила губами.

– Люся, ты любишь шоколад? – ласково спросил Бородин.

Она встрепенулась, открыла глаза и принялась опять заплетать косичку из бахромы.

– Тебе подарили конфеты, а ты даже не попробовала. – Илья Никитич прикоснулся к коробке.

– Не трогайте! – крикнула Люся и густо покраснела.

– Почему?

– Это мое! Мне подарили!

– Кто?

– Один человек, – она тряхнула головой и кокетливо поправила волосы.

– Как его зовут?

– Не скажу.

– Он приходил вчера вечером и подарил тебе на день рождения конфеты и цветы?

Люся вдруг вскочила, резко вскинула руки, как будто собиралась наброситься на Бородину, но всего лишь прижала ладони ко рту, рухнула назад, на стул, и замерла. Больше она не произнесла вообще ни слова.

Прибыла бригада скорой психиатрической помощи. Люся покорно делала все, что ей говорили: умылась, оделась. Вещи ее, широкие светлые джинсы и синяя футболка, были аккуратно сложены на стуле в маленькой комнате, у застеленной кровати. Ни на какие вопросы она не отвечала, как будто окончательно разучилась говорить. Лицо ее побледнело до синевы, глаза смотрели в одну точку, не моргая, движения были вялыми, замедленными. Санитар помогал ей. Окончательно собравшись, она встала посреди комнаты, грызя ногти и ожидая следующих приказаний.

– Что вы можете о ней сказать? – спросил Илья Никитич психиатра, энергичную молодую женщину, когда та задержалась на лестничной клетке, прикуривая.

– Нормальная олигофренка в стадии дебильности, – врач пожал плечами, – в принципе вполне дееспособна. Есть четкие признаки аггравации.

– То есть вы считаете, она сознательно преувеличивает свое болезненное состояние?

– А вы не видите? Говорить она может, однако молчит.

– Самооговор возможен?

– Ну, это уж вам разбираться.

Люсю увезли, труп вынесли, в квартире продолжался обыск.

В платяном шкафу, в комоде, на маленьких антресолях царил идеальный порядок. Зимняя одежда была зашита в старые пододеяльники и наволочки, летняя покоилась в шкафу на плечиках, ровные стопки крахмального постельного белья были переложены холщовыми мешочками с сушеной лавандой. Каждый мешочек стянут пестрым плетеным шнурком, и на каждом красовалась крошечная вышивка: цветочки, грибочки, вишенки.

Небольшой книжный шкаф был заполнен в основном учебниками по рукоделию, книгами типа «История русской игрушки», «Дети и мир детства XIX века», «Энциклопедия кукольной моды». Дорогие, красочные издания с отличными цветными иллюстрациями. На

нижних полках лежали стопки журналов «Верена», «Бурда моден» и множество других, посвященных вышивке, плетению кружев, кукольной и детской одежде. Художественная литература, в основном классика, скромно ютилась во вторых рядах. Читать хозяйка не любила, да и некогда ей было. Для того чтобы так украсить каждую мелочь в доме, надо отдавать рукоделию все свое свободное время.

Чего не было в квартире, так это денег. Даже в сумочке убитой, с которой она, вероятно, выходила на улицу в последний раз, не нашлось ни копейки. Никаких сберкнижек, кредитных карточек. Не было ни одного ювелирного украшения ни в квартире, ни на убитой. Соседи, разумеется, не знали, сколько могло быть в доме денег, о ювелирных украшениях тоже понятия не имели. Правда, соседка вспомнила, что Лиля носила дорогие сережки, золотые, с крупными голубыми сапфирами, причем носила не снимая.

В ящиках письменного стола лежали папки с аккуратными выкройками из папиросной бумаги, поздравительные открытки, два альбома с фотографиями. Их Бородин решил взять с собой, чтобы просмотреть не спеша. Что-то еще не давало ему покоя. Он сел за стол, занялся протоколом и вдруг застыл, уставившись на хитрый узор вязаной скатерти.

Если женщина занимается рукоделием, должны где-то храниться нитки, спицы, крючки, ножницы, лоскутки ткани, огромное количество всякого швейно-вязального добра. Даже у его мамы, которая уже второй год вязала ему один несчастный свитер, был целый сундучок с пряжей, пуговицами, лоскутками.

В доме убитой имелась дорогая швейная машинка, но не было ни одной катушки ниток, ни одного мотка пряжи.

«Бред, – усмехнулся про себя Илья Никитич, – допустим, в голове у слабоумной девочки что-то сдвинулось и она в состоянии психоза принялась бить тетушку ножом. Ну ладно, бывает. Потом выгребла все деньги и драгоценности, возможно, сапфировые серьги вытащила прямо из ушей убитой, а заодно прихватила нитки с пуговицами, куда-то вынесла все это, спрятала, вернулась в дом, увидела мертвую тетю, испугалась, опять побежала на улицу, почему-то в ночной рубашке и босиком. Бред! А вообще, медэксперт прав. Чем больше работаешь с насильственными преступлениями, тем больше убеждаешься в слабоумии восьмидесяти процентов людей».

Илья Никитич отказался ехать в управление на машине. Ему хотелось немного погулять. К рассвету небо расчистилось, после ночного дождя воздух стал мягким, шелковистым, как ключевая вода. После бессонной ночи немного кружилась голова, познабливало, но чувствовал он себя удивительно бодрым. Он злился, а это его всегда бодрило.

– Ну да, конечно, мир сошел с ума, все кругом идиоты, одни мы с вами умные, господин эксперт, – сердито бормотал себе под нос Илья Никитич, вышагивая по пустому утреннему переулку, – на самом деле, когда начинаешь так думать о себе и о других, кричи караул, беги к доктору. Это первый признак деградации, старческого слабоумия. Не знаю, как вы, господин эксперт, а я, следователь Бородин, – старый идиот. Я упорно отказываюсь от мысли, что убийцей все-таки может оказаться эта несчастная толстая девочка, хотя версия вполне полноценная. Мне просто ужасно не хочется в это верить. Но главное, я не могу понять, каким образом удалось нанести здоровой молодой женщине восемнадцать ножевых ранений так, что она не закричала, и совершенно не представляю, зачем убийце понадобились нитки и пуговицы?

За многие годы он усвоил одну жестокую истину. Чтобы стать жертвой даже самого случайного и немотивированного убийства, надо хоть немного, да подставиться. Есть вещи, которые делают человека уязвимым: деньги, особенно чужие, водка, наркотики и так далее. Расследуя дела о насильственных преступлениях, Бородин почти всегда натывался в биографии жертвы на момент выбора. Момент этот мог быть запрятан где-то глубоко в прошлом и крайне редко выглядел как выбор между жизнью и смертью. Почти каждой сегодняшней жертве вчера

пришлось выбирать между легкими деньгами и трудными, между весельем и скукой, удовольствием и отказом от удовольствия.

У непьющего очень мало шансов получить бутылкой по голове. У девочки, которая сидит дома и учит уроки, конечно, есть шанс попасть в руки маньяка, насильника или подсесть на иглу, но он в сотню раз меньше, чем у той, что порхает по улицам и по дискотекам с разукрашенным лицом.

Мужичок-командированный рискует быть ограбленным в поезде или в дешевой гостинице, однако если в скучной командировке он желает побаловаться платной любовью, риск значительно возрастает. Очень опасная работа у челночников, но если в своих огромных поло-сатых сумках они соглашаются припрятать несколько упаковок героина, работа становится еще опасней.

Крупный бизнесмен или политик отличается от челночника и алкаша только масшта-бами, размахом. Выбор маскируется еще коварней, он прикидывается тупиком. Не своруешь, не солжешь, не подставишь конкурента, не подружишься с бандитами – можешь прощаться с любимым делом, которое приносит столько денег, славы, кайфа, что становится дороже жизни.

Выбор между жизнью и смертью хитро маскируется под увлекательную игру. Кто не рис-кует, тот не пьет шампанского. Однако фокус в том, что риск должен быть благородным и бес-корыстным, в противном случае в победном бокале шампанского может оказаться клофелин либо другая дрянь.

Илья Никитич любил запутанные, сложные дела. Он знал, что сейчас ему в руки попало именно такое дело. Будет трудно доказать, что Люся не убивала, он сам в этом не уверен. Не просто будет вычислить и найти «одного человека», если он действительно существует, потому что конфеты и цветы вполне могла принести сама Коломеец племяннице на день рождения.

Обычно трудности заставляли Бородину подтянуться, выпрямиться, он молодел, щеки розовели, в глазах появлялся блеск. Однако сейчас злость его была далека от здорового азарта бодрячка-следователя, который потирает ладошки и с творческой жадностью выстраивает изу-мительные логические комбинации.

Илья Никитич злился потому, что ему было до ужаса, до озноба жалко тихую, одинокую молодую женщину, которая придумывала модели кукольной одежды на игрушечной фабрике, вязала кружевные скатерти, вышивала вишенки на мешочках с сухой лавандой и никого не трогала. У Лилии Анатольевны Коломеец выбора не было. Она не собиралась рисковать и пить шампанское. Она ничего не выигрывала, когда брала на выходные психически больную племянницу.

Бородин так глубоко задумался, что не смотрел по сторонам. Район был знакомый, еще выйдя из подъезда, он сообразил, что метро совсем недалеко и пройти можно переулками и проходными дворами. Пересекая очередной двор, он споткнулся, ударился коленкой о какую-то здоровенную железную трубу, торчавшую из земли, и едва удержался на ногах. Здесь ремон-тировали подземные коммуникации, взрезали асфальт, все разрыли и забыли поставить ограж-дения. Илья Никитич огляделся. Обойти разрытый участок можно было по детской площадке. Прихрамывая, он двинулся дальше, и тут в нос ударила нестерпимая вонь. На бортике песоч-ницы сидела парочка бомжей. Мужичок дремал, припав к плечу своей подруги, а подруга сосредоточенно возилась в небольшом плетеном сундучке, который стоял у нее на коленях, перебирала что-то яркое, мягкое. Бородин замер. Бомжиха подняла лицо. Оба глаза украшали фингалы, совершенно симметричные, но разного цвета. Один свежий, густо-вишневый, с лило-вым отливом, другой старый, зеленовато-желтый.

– Че уставился? – поинтересовалась бомжиха. – Иди, куда шел.

В черных заскорузлых пальцах, как живой, дрожал нежно-розовый шелковистый моток пряжи, той самой, из которой была связана скатерть с длинной бахромой в квартире убитой.

Глава вторая

Редакция журнала «Блюм» занимала первый этаж маленького особнячка в одном из уютных переулков в центре Москвы. Довольно было беглого взгляда на особняк, на его зеленый ухоженный дворик, на ряд иномарок в этом двореке, чтобы понять, что здесь обитают не самые бедные фирмы и организации.

Несмотря на жестокую конкуренцию, «Блюм» процветал. Он выходил раз в месяц, печатался в Финляндии на великолепной бумаге, имел полдюжины приложений. Недавно при редакции открылся потрясающий клуб, почетным членством не побрезговали яркие эстрадные звезды, известные художники, писатели, кинорежиссеры, молодые политики, состоятельные бизнесмены, прочие приятные и полезные личности.

Толстый красочный «Блюм» начал издаваться десять лет назад и работал на так называемую продвинутую молодежь. Типичный читатель «Блюма» был молодой человек от двадцати пяти до тридцати пяти лет, коренной житель мегаполиса, с высшим образованием, скорее гуманитарным, чем техническим, с неплохим знанием одного или двух иностранных языков, не обремененный семьей, детьми и предрассудками. Он носил длинные волосы и серебряное колечко в ухе, любил обувь и галстуки необычайно ядовитых расцветок, умеренно покуривал марихуану, готов был в любую минуту щедро поделиться всеми оттенками своих эротических переживаний с первым встречным, активно боролся за свободу порнографии и любые возражения на этот счет объявлял фашизмом. Проявления обычных человеческих чувств считал тошнотворной сентиментальностью, публично высмеивал то, что вовсе не смешно, и свое глумливое мнение высказывал даже тогда, когда никто не спрашивал.

Типичная читательница «Блюма», кроме природных половых признаков, отличалась от своего собрата-мужчины только тем, что волосы стригла очень коротко, иногда наголо, и украшала интимные места изящными разноцветными татуировками.

Из ста страниц дорогостоящей журнальной площади около семидесяти занимала реклама, на остальных тридцати теснились фоторепортажи с самых модных тусовок, статейки о сексе, интервью с сомнительными психологами, утверждавшими, что в основе материнской любви лежит подсознательное стремление к инцесту, а усердие в работе есть следствие придушенных половых инстинктов. Пару страниц занимали издевательские обзоры новинок кино, театра и литературы, новости авангардной моды. На десерт подавалось нечто остренькое: фото-очерк о ночной жизни бара, где находят свое счастье гомосексуалисты. Сенсация – открытие вируса, поднимающего мужскую потенцию до космических масштабов. Игривый репортаж с черной мессы или с натурального шабаша новомодной нечистой силы на каком-нибудь подмосковном кладбище.

Обычно после сдачи очередного номера и засылки готовых материалов в Финляндию в редакции несколько дней стояла блаженная тишина. Сотрудники отдыхали. Для заместителя главного редактора Олега Васильевича Солодкина эти несколько дней были самым любимым временем. Он приходил на работу раньше обычного, часам к десяти, варил себе крепкий кофе, включал компьютер, вставлял в него компакт-диск «Битлз» или «Роллинг стоунз», много курил и пытался создать что-нибудь гениальное.

В «Блюме» Олег работал со дня его основания, главный редактор был его сокурсником по сценарному факультету института кинематографии. Собственно, они вдвоем и создали журнал. На должность главного Олег никогда не претендовал, его вполне устраивало положение вечного заместителя.

Олег жил в пятикомнатной квартире с мамой, женой Ксюшей, которая была вдвое моложе его и три месяца назад родила ему дочь. Имелась еще двухэтажная теплая дача под Москвой. Однако все это безраздельно принадлежало его энергичной царственной матушке Галине

Семеновне, и крошечный кабинет в редакции оставался единственным местом, где он чувствовал себя защищенным, как в раннем детстве под столом, когда вокруг шумят взрослые приставучие гости, а ты сидишь, укрытый мягкими складками скатерти, и тебя не видно.

В одиннадцать утра, в четверг восьмого июня вокруг Олега в его любимом рабочем кабинете плескалась такая мягкая, свежая, перламутровая тишина, что он даже не стал включать музыку. Олег уже второй час сидел перед экраном компьютера. Тонкие вялые пальцы зависли над клавиатурой и заметно дрожали. На белом экране чернели огромные жирные буквы, всего две строчки:

«Творчество есть акт душевного эксгибиционизма. Николай Васильевич Гоголь искусственно удлинил свой нос, чтобы он напоминал его половой орган».

Олег собирался написать статейку о том, что все гении были сумасшедшими. Собирался давно, уже второй месяц. Каждый день он садился за стол, включал компьютер, производил на свет не более трех фраз, уничтожал, писал следующие, опять уничтожал, и так до бесконечности. Сегодня, кажется, был удачный день. Из написанного Олег изъял только одно слово «эксгибиционизм», заменив его более простым и емким: «стриптиз». Однако словосочетание «душевный стриптиз» неприятно резануло по глазам. Это был штамп, а штампов он терпеть не мог. Он опять уничтожил все, стал мучительно выдумывать новую фразу для начала статьи, но тут зазвонил внутренний телефон.

Олег удивился. Вчера очередной готовый номер был заслан в Финляндию, из этого следовало, что сегодня до часа дня никто из сотрудников на работе не появится, и никаких визитеров он не ждал.

– Олег Васильевич, девушки к вам просятся, – сообщил охранник.

– Какие девушки? – поморщился Олег и хотел уже сказать, чтобы никого к нему не пропускали, но охранник произнес в трубку с лукавым смешком:

– Одинаковые.

До Олега дошло наконец, о ком идет речь. Семнадцатилетние близняшки, очень хорошенькие. Он познакомился с ними примерно полгода назад, имел глупость дать им свой рабочий телефон, с тех пор они регулярно звонили и несколько раз заявлялись в редакцию, просто так, в гости. На них обратил внимание один из журнальных фотографов, вручил им визитку и обещал, что они попадут на обложку.

– Ладно, пропусти, – сказал он охраннику.

Через минуту крошечный кабинет наполнился мелодичным смехом и запахом резких сладких духов. Они вошли, покатываясь со смеху. Прежде чем поздороваться с хозяином или хотя бы обратить на него внимание, принялись поправлять волосы и подкрашивать губы перед зеркалом, толкаясь и резвясь, как сытые котята, затем уселись на подлокотники единственного кресла, одновременно закурили, досмеялись и, только когда окончательно оккупировали все пространство кабинета, соизволили сказать хором:

– Привет. Как дела? – и тут же опять захихикали.

Они были красивы и нахальны. Высокие, тонкие, с длинными светлыми волосами, с правильными кукольными личиками. Их абсолютное сходство удваивало эффект, они это знали и вели себя так, словно их присутствие являлось огромным, незаслуженным подарком для всех окружающих. Обычно они одевались одинаково, на этот раз их короткие открытые платья были разного цвета. На одной белое, на другой черное.

– Ну, и где ваш фотограф? – спросила та, что была в белом.

– Зачем давать телефоны, по которым невозможно дозвониться? – добавила черная.

– Я вообще-то занят, – хмуро заметил Олег, стараясь не глядеть на них.

– А вы позвоните фотографу домой. Там на визитке только телефон редакции и фотостудии. Домашнего нет.

– Хорошо, – кивнул Олег, – я позвоню. Но сейчас мне некогда.

– Что, так долго набрать номер?

«Ладно, – с раздражением подумал Олег, – если этот придурок Киса пообещал снять их на обложку, пусть сам и разбирается».

Он достал записную книжку, нашел домашний номер фотографа, переписал на бумажку и протянул девицам.

– Все, идите, мне надо работать.

– А ручонки-то трясутся, – сочувственно заметила белая и взяла у него бумажку, – перебрал вчера, что ли? – она весело подмигнула и уставилась на Олега ясными, чистыми, небесно-голубыми глазами.

– Нет, – покачала головой черная, – водка – это слишком грубо. У Олега Васильевича изысканный вкус. Олег Васильевич если пьет, то французский коньяк.

– От дорогого коньяка совсем другое похмелье, – заметила белая, – я подозреваю, что Олег Васильевич как истинный аристократ балуется кокаинчиком или героинчиком.

Обе тихо захихикали, и белая, продолжая сжигать его ледяными прекрасными глазами, грациозно соскользнула с подлокотника, обошла стол, коснулась плеча Олега небольшой упругой грудью, прижалась губами к его уху и прошептала:

– Пардон, я шучу.

– Как ты себя ведешь? – Олег отстранился и легонько хлопнул ладонью по столу. – Слушайте, красавицы, будете хулиганить, на обложку не попадете.

– Ну, я же извинилась, – обиженно мяукнула белая и вернулась в кресло.

– Все, девицы, я занят, – буркнул Олег, уставившись в экран компьютера.

Дрожь била его все сильнее.

– Олег Васильевич, можно, мы от вас позвоним фотографу? – спокойно, вежливо попросила черная.

– Нет. Я занят.

– Все творите, – вздохнула белая. – Можно вас спросить?

– Можно... – Олег болезненно поморщился и под столом сжал в кулаки влажные трясущиеся руки.

– Над чем вы сейчас работаете?

– Не твоё дело, – Олег почувствовал, что рубашка стала мокрой под мышками.

– Ой, как грубо, – черная грустно покачала головой, – вы же хороший, Олег Васильевич, вы такой добрый. Может, у вас неприятности и вы сильно нервничаете? Давайте мы вам поможем расслабиться, – она прикрыла глаза и медленно провела по губам кончиком языка.

– Вы уйдёте когда-нибудь? – Олег сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладонь. – Я сейчас вызову охрану, и вас проводят.

– Куда? – хлопнула глазами черная.

– Разве мы вас чем-то обидели? – белая ослепительно улыбнулась. – Мы вам помочь хотим, от чистого сердца. Разве мы виноваты, что у вас какие-то неприятности?

– Уйдите, пожалуйста, уйдите, – простонал Олег и добавил чуть слышно: – Это невыносимо.

– Можно позвонить от вас Николаю Павловичу? – потупившись, спросила белая. – Мы только позвоним и сразу уйдём.

Олег молча снял трубку, набрал домашний номер фотографа, долго слушал протяжные гудки, решил, что Кисы нет дома, и хотел уже нажать кнопку отбоя, но тут раздался высокий сонный голос:

– Аллю!

– Киса, привет, – мрачно буркнул Олег, – ты обещал девочкам-близняшкам, что снимешь их на обложку?

– Олег, я ещё сплю, – громко зевнув, сообщил Киса.

– Ты спишь, а у меня сидят девочки и не дают мне работать. Ты обещал, теперь делай с ними что хочешь, – он передал трубку белой.

Минут через пять, договорившись с фотографом о встрече, они вежливо попрощались и ушли.

Когда дверь за ними закрылась, Олег долго не мог прикурить, так тряслись руки. Наконец, жадно затянувшись, он произнес вслух несколько грязных ругательств, адресованных вовсе не красоткам, а самому себе, двинул мышь, чтобы убрать заставку с экрана компьютера, и принялся мучительно выдумывать начало статьи о сумасшедших гениях. Но голова была пуста. Прошло минут десять, не меньше. Во рту дрожала потухшая сигарета. На экран села жирная муха.

Олег выплюнул окурочек прямо на пол, себе под ноги, дунул на муху, на экране опять включилась заставка, кирпичный лабиринт. Муха легко просочилась сквозь стекло и двинулась по лабиринту внутри компьютера, поползла, сначала медленно, нехотя, потом все быстрее. Олег наблюдал, как неприятное насекомое подрагивает слюдяными крылышками, суетливо перебирает проволочными лапками. Нутро компьютера гнусно гудело. Лабиринт наполнялся белыми жирными личинками, они ползли, переливаясь мягкими ячеистыми телами. Олег двинул мышь, лабиринт исчез, однако вместо букв на экране зашевелились черные мухи.

«По свидетельству поэта Языкова Гоголь рассказывал, будто в Париже его осматривали знаменитые врачи и нашли, что желудок его перевернут вверх дном», – быстро отбил Олег, однако не сумел прочитать написанного. Жирные мухи, и ни одной буквы. Он понял, что насекомые попадают внутрь компьютера непосредственно из его головы. Черепная коробка была полна мух, они невыносимо громко жужжали, ползали по мозговым извилинам и откладывали там личинки. Резкая зудящая боль разрывала голову, бежала по позвоночнику, по ребрам, быстро и беспощадно заполняла все тело. Не было ни одной косточки, не захваченной болью. Из глаз брызнули слезы, кожа покрылась мурашками, знобило все сильнее. Он знал, что это начало ломки. Стадия первая. Опытные люди называют ее «холодная индейка».

Нет ничего проще и приятней, чем принять решение. Сразу чувствуешь себя сильным, правильным, положительным человеком. Сколько раз он это проходил? Десять или сто? Он давно сбился со счета. Очередной доктор снабдил его методоном, синтетическим заменителем опиума. Наивный доктор решил лечить его по методоновой программе. Двадцать дней усмирять абстинентный синдром жалким подобием кайфа, сочетая это с психотерапией и самовнушением.

– Я спокоен, я абсолютно спокоен, – забормотал Олег, откинувшись на спинку стула и закрыв глаза, – я не хочу кайфа, мне и так хорошо, мне отлично, как висельнику в предсмертной агонии, как психу, которого исцеляют электрошоком. Я брошу, я переломаюсь и буду жить дальше, стану полноценным членом неполноценного общества. У меня есть мама, она меня любит. У меня есть жена Ксюша, она молодая и красивая. У меня есть дочь Маша, ей три месяца. Я очень счастлив. Мой отец умер от инфаркта после разговора с очередным всезнайкой-наркологом, который честно сказал ему, что у меня нет шансов. Мать постоянно обвиняет меня в смерти отца. Я виноват. Я виноват во многом другом, страшном и непоправимом, но об этом невозможно думать. Я забуду. Это тоже ломка, и я справлюсь, мне не привыкать. Я переломаюсь и стану другим человеком. Нет, не человеком. Ангелом.

Влажные дрожащие пальцы медленно задвигались по клавиатуре, на экране возникла фраза:

«Сколько ангелов умещается на кончике иглы?»

Буквы зашевелили слюдяными крылышками. По позвоночнику медленно потекла струйка ледяного пота.

Кроме методона, у него была с собой доза ЛСД-25. Маленькая ампула с прозрачной жидкостью без цвета и запаха. Волшебная капелька живой воды, полученная из красной споры-

нии путем таинственных превращений. Лучший из психоделиков. Пурпурный туман. Золотой солнечный луч. Оранжевое сияние. Достаточно просто протянуть руку, залезть в свою сумку, которая висит на спинке стула, и через несколько минут мир наполнится изумительным светом, исчезнет боль, отпустит, наконец, невыносимое чувство вины, мухи превратятся в бабочек, вместо жужжания зазвучит сладкая нездешняя музыка, начнется сказочное путешествие вне времени и пространства.

На самом деле, завязывать вовсе не надо. Рано или поздно человек все равно умирает. Время – понятие относительное, все зависит от того, как ты его воспринимаешь. Десять лет могут пролететь как один день, а день может тянуться вечно, причем это будет вечность в аду, если не уколоться. Но какая райская легкость и ясность после укола! Какая творческая бодрость! Человек, ни разу не испытавший изумительного состояния, которое называется «приход», или «флэш», просто не знает, что такое настоящая жизнь. Пусть он умрет глубоким стариком, в своей постели, окруженный детьми, внуками и правнуками, пусть он никогда ничем не болеет, до самой смерти, пусть будет богатым, знаменитым, успешным. Все равно, если он ни разу не испытал настоящего кайфа, он умрет несчастным.

Олег Солодкин отбил на компьютере этот текст, откинулся на спинку стула и закурил. Он раздумал писать статью о сумасшедших гениях. Она требовала энергичной зависти к мертвым гениям и презрения к живым идиотам, которые преклоняются перед мертвыми гениями. Она требовала злобы и бесстыдства. Все эти чувства не покидали Олега, когда он пытался завязать, терпел ломки, сходил с ума. Но теперь он вернулся к родному, знакомому кайфу, был спокоен и счастлив.

Что такое человек? Кусок дерьма, горсть навоза, созданная для удобрения почвы. Плюс дежурный набор воспоминаний, приятных и противных, череда кайфа и ломки. Если жить, как все, следуя затертым общепринятым штампам, то кайфа будет страшно мало, а ломки чудовищно много. Без наркотиков соотношение кайфа и ломки зависит от хаотичного сплетения случайностей, от везения, от судьбы, от прихотей других людей. Как известно, ад – это другие, которым до тебя нет дела, но которые лезут к тебе, пытаясь подчинить тебя своим кретинским законам, самоутвердиться за твой счет, манипулировать тобой, как теплой податливой марионеткой. Но если колоться и не бояться этого, то вместе со шприцем, наполненным волшебной влагой, в твоих руках весь мир. Ты хозяин. Ты главный. Ты все решаешь сам и создаешь свою собственную среду обитания, свою реальность.

Единственная реальность – это Я, огромный, как космос, и крошечный, как неделимое атомное ядро. Мое детство, моя юность, мой кайф, мои ломки. Больше я ничего не знаю и знать не хочу.

Олег Солодкин залюбовался компьютерным экраном. Белое светящееся пространство почти целиком заполнилось строками. Ему больше не хотелось уничтожать написанное. Он был полностью доволен собой. Ему понравился стиль, его вдохновили собственные меткие выражения.

Дежурный набор воспоминаний – это класс!

* * *

Увидев сундучок с нитками, Илья Никитич совсем недолго стоял как вкопанный и глядел в разноцветные глаза бомжихи. Она разразилась таким выразительным матерным монологом, что он мгновенно расстался с надеждой на спокойный душевный разговор и побежал к метро, чтобы вернуться в сопровождении милиции. Он летел легко, как профессиональный спринтер, и удивлялся. Если учесть возраст, комплекцию, темперамент и ушибленную коленку, такая скорость была невозможным чудом.

Ушиб дал знать о себе позже, когда драгоценные свидетели с визгом и плачем были доставлены двумя милиционерами в ближайшее районное отделение. Бородин спокойно сел, отдышался, приступил к допросу, и вот тут коленка заболела всерьез. Илья Никитич даже подумал, что надо будет зайти в поликлинику, чтобы посмотрели, нет ли трещины.

Симакова Нина Дмитриевна оказалась старой знакомой участкового инспектора. До недавнего времени Симакова была прописана и проживала по адресу Второй Калужский, дом 10, квартира 17, то есть в том же доме и в том же подъезде, где произошло убийство. Свою крошечную однокомнатную квартиру она превратила в притон, там круглосуточно гудели ее собутыльники, среди которых главным был Рюриков Иван Николаевич, житель соседнего дома.

Этот трехэтажный домишко давно не имел даже номера, его уже лет двадцать собирались снести, однако почему-то не сносили. Он был населен всяким сбродом. Пару лет назад Сима продала свою жилплощадь кавказцам с ближайшего рынка, а сама переселилась к Рюрику. Некоторое время они жили в любви и согласии, но, когда деньги кончились, стали жестоко ссориться. Сима решила вернуться домой и долго не могла взять в толк, что дома у нее уже нет, осаждала ЖЭК и районное отделение милиции, клялась, что ее неправильно поняли, она не собиралась продавать квартиру навсегда, а просто сдала ее на год. В итоге она поселилась в своем подъезде, между этажами. Сначала вела себя тихо, спала на детском матрасике, трогательно свернувшись калачиком. На дворе стояла лютая зима, жильцы подъезда жалели Симу, не выгоняли, выносили для нее горячий чай, еду, и даже пригласили корреспондентов из программы «Времечко». Сима произнесла перед камерой пламенную речь о том, что ее бедственное положение – результат преступного сговора бюрократов-взяточников из районной администрации и кавказской мафии. Прославившись на всю страну, Сима загуляла, стала приводить к себе на лестничную площадку гостей, и тут сострадание жильцов иссякло. Симу выдворили при помощи милиции, вместе с матрасиком. После недолгих скитаний по вокзалам она опять вернулась, но уже не на лестничную площадку, а к Рюрику. Однако блистательный дебют во «Времечке» странным образом повлиял на ее темперамент. Она уже не мыслила себя без общественной борьбы, стала завсегдаем митингов и демонстраций, не важно каких, лишь бы накричаться от души и побыть в центре внимания...

– Это ж геноцид над правами человека, в натуре, – звонко причитала Сима, плакала и терла свои разноцветные подбитые глаза грязными кулаками, – на помойке такая прелесть валялась, я подобрала, зачем добру пропадать?

– Ты видела, кто выбросил сундук с нитками? – в третий раз спросил Илья Никитич.

– Ничего не видела, ничего не знаю. Один раз в жизни бедной женщине повезло, а вы, гражданин начальник, хотите на меня сразу мокрое дело повесить? Да Сима за всю жизнь мухи не обидела, любого спроси, Сима последним куском с бродячим животным поделится, а ты говоришь! Я, если хотите знать, в Бога верую, зачем мне на душу такой грех брать? Ну, скажи, на фига он мне, смертный грех? Чтобы на том свете всю дорогу муки адские терпеть? Здесь терплю и там терпеть, да? Последние времена наступили, скоро Страшный суд, за все придется ответить, я себе самой разве враг?

– Стоп, подожди, с чего ты взяла, что речь идет о мокром деле? – перебил ее Илья Никитич.

– А с того, как ты рванул за ментами, старый хрен! – истерически взвизгнула бомжиха. Слезы мигом высохли, глаза сухо, злобно заблестели. – Все вы, суки, готовы слабого обидеть, правильно про вас пресса печатает! Только в нашей бандитской дерьмократии такие беззакония творятся над правами измученной личности! Ничего, и на вашу диктанту управа найдется. Я не боюсь! Мне терять нечего, кроме своих цепей, все скажу, чтобы вы правду чистую про себя знали от простого русского человека пролетарского происхождения!

– Сима, а что такое диктанта? – строго спросил Бородин.

Сима растерянно поморгала, кашлянула и отчеканила:

– Ты, старый извращенец, дуру из меня не делай! Диктанта – это когда безвинного хватают и тащат!

– Как разговариваешь, Симакова? – встрял участковый инспектор. – Давно в КПЗ не отдыхала? Соскучилась? Сейчас быстренько организуем, без проблем.

– А ты меня не пугай! – буркнула Сима и залилась краской. Свежий малиновый синяк под правым глазом стал почти незаметным, зато старый, желто-зеленый, засиял ярче. – И так я вся насквозь больная нервными заболеваниями. Голодаю, холодаю, никакого позитива. Сплошной экономический Чернобыль. Мне вот только кичи не хватало.

– Меньше надо пить и по митингам шастать, а то, я гляжу, ты слов разных умных набралась, – проворчал участковый, – извинись и разговаривай по-человечески, не испытывай мое терпение.

– Ладно, хрен с вами. Извиняюсь, больше не буду. – Симка застенчиво, по-девичьи, улыбнулась щербатым ртом. Настроение у нее менялось ежеминутно. От слезной, жалобной истерики она переходила на сухую, злобную, потом опять жаловалась и вдруг улыбалась, даже с некоторым кокетством. – Если со мной по-доброму, я все скажу.

– Хорошо, Сима, – кивнул Илья Никитич, – давай по-доброму. Откуда ты знаешь про убийство?

– Я ж сказала, животных кормлю, делюсь с ними последним своим куском, с бродячими собачками, кошечками. Вот если ты умный, сам догадаешься, откуда все знаю. Слышь, начальник, дай покурить, а?

– Что ты бредишь, Симакова? – взревел участковый, внезапно теряя терпение. – При чем здесь животные?

– Угости сигареткой – скажу. – Симка шмыгнула носом и поднесла два пальца к губам, показывая, как сильно ей хочется покурить.

Участковый покосился на Бородина. В глазах его читался вполне конкретный вопрос: не пора ли применить к этой наглой женщине положенные в таких случаях крутые меры или еще немножко потерпеть ее безобразное поведение? Илья Никитич в ответ слабо покачал головой, давая понять, что с мерами торопиться не стоит. Участковый пожал плечами и нехотя протянул Симе сигарету. Сима с наслаждением затянулась, сделала таинственное лицо и произнесла:

– Животные все чувствуют, особенно собачки. Они такие лапочки, солнышки, лучше людей в сто раз. Я их люблю, с ними дружу, и мне от них этот божественный дар передался. Слышали, как собаки по покойнику воют? Они жмуров за версту чуют, вот и я тоже. Я ж грю, я прям эстрасьянс. Носом воздух понюхаю и чую. А ты, прошу прощения, вроде культурный такой человек, – она с упреком покосилась на Бородина, – нет чтобы спросить спокойно, мол, откуда у тебя, Сима, этот сундучок с ниточками? Уставился на меня, как будто я тебе косуху зеленую должна по расписке, а потом дунул по переулку. Я ведь сразу поняла, что вернешься, чувствовала, надо уходить от греха, однако жаль было Рюрика будить, он так спал на свежем воздухе, сладкий мой, так спал. Эй, Рюрик, скажи им, ничего мы не видели, правда?

Рюрик пока не произнес ни слова. Он был совсем плох. Глаза его закатились, голова слегка покачивалась из стороны в сторону, он вяло шевелил губами, издавая странные утробные звуки. Когда его подруга замолчала на миг, в тишине стало слышно, что он поет старинный романс «Степь да степь кругом» и довольно точно выводит мелодию.

– Так, Рюриков, ты сюда что, концерты пришел давать? Кончай бубнить, Шаляпин недоделанный, – участковый слегка толкнул его в плечо, – давай рассказывай, как дело было. С самого начала и по порядку.

– Я не бубню, – резко вскинул голову Рюрик, – я пою. У меня, между прочим, среднее музыкальное образование. А что недоделанный, это вы точно заметили, гражданин начальник. На правду не обижаюсь. Если бы меня доделали, доучили, приняли в Консерваторию, был бы я сегодня как Паваротти.

– Ай, ну что ты брешешь, – Симка сморщилась и легонько хлопнула своего друга по губам, – у Паваротти тенор, у тебя бас.

– Ну, бомж пошел образованный, сил нет, – хмыкнул участковый, – Симка – политик, Рюрик – оперный солист. Ладно, граждане, кончаем здесь ваньку валять. Отвечаем на вопросы, как положено.

– Так чего отвечать, если мы не видели ни хрена? – развел руками Рюрик. – Утречком подошли к мусорке, а там куча ниток валяется и сундук соломенный. Вот и все дела.

– Откуда узнали про убийство?

– Я ж сказала, у меня дар божественный, я эстрасьянс самый натуральный. Я бы вам могла все сказать, что было, что будет, чем сердце успокоится, если бы вы со мной по-хорошему, по-доброму.

– Да че ты несешь, дурья башка? Какой ты эстрасьянс? Ментура приехала, труп выносили, это мы видели. А больше ничего, – быстро пробормотал Рюрик и, понурившись, опять принялся тихонько напевать себе под нос.

– Вы бы отпустили нас, граждане-господа, – попросила Сима, жалобно шмыгнув носом.

– Значит, так, сладкая парочка, – откашлявшись, произнес участковый сухим, официальным тоном, – вы оба пока только свидетели, однако именно у вас в руках оказались вещи из квартиры убитой. Ты, Симакова, знаешь всех жильцов третьего подъезда, да и ты, Рюриков, тоже. Вам известно, что в сороковой квартире проживала одинокая, незащищенная женщина. Вот вы и решились на ограбление с убийством.

Илья Никитич, морщась от боли, попытался вытянуть больную ногу, но не смог. Коленка ныла нестерпимо. Надо было кончать эту бодягу, отпускать несчастных бомжей. Убийца вышел из подъезда не позже половины второго ночи. На то, чтобы распотрошить сундук с нитками, ему понадобилось минут пятнадцать. Потом он исчез, а бомжи явились к помойке только на рассвете. Прошло не меньше трех часов. Никакие они не свидетели.

– У-у! – протяжно взывала Симка. – Смерти моей хочешь?

– Ну давай, Симка, колись, утомила! – крикнул участковый, приблизив лицо к перепуганной бомжихе.

Симка тряслась как в лихорадке, без спросу вытянула еще одну сигарету из пачки, цапнула со стола зажигалку, стала быстро, жадно затягиваться и громко охать при каждом выдохе. Рюрик опять ушел в себя, в свою песню. Он покачивался, урчал басом и напоминал огромного, облезлого, задумчивого котяру.

– Ох, грехи наши тяжкие, ох, не могу, – простонала Симка, – год-то какой жуткий, если цифры перевернуть вверх ногами, знаете, что получится? Три шестерки, знак нечистого. Вот это он и был, собственной поганой персоной!

– Кто? – хором спросили участковый и Бородин.

– Огненный зверь, – прошептала Симка.

– Слушай, ты издеваешься, да? – вкрадчиво поинтересовался участковый.

Бородин молча отбил пальцами дробь по столу.

– Я, как увидела его, сразу поняла, он за невинной душой пришел. Женщина из сороковой квартиры, добрая такая, тихая, вот, туфли мне свои отдала, – Сима вытянула ногу и повертела носком вполне приличной кожаной туфли светло-коричневого цвета, – а когда я на лестнице ночевала, она мне одеялко вынесла, и чайком угощала, и хлебушком с маслом, и колбаской. Вот какая хорошая женщина, самая добрая во всем подъезде, самая сострадательная. Для него, урода, сострадательный человек хуже ладана.

– Сима, ты ведь тоже добрая, и душа у тебя чистая, – задумчиво произнес Илья Никитич и поймал удивленный взгляд участкового, – ты с бродячими животными последним куском делишься и мухи не обидела за всю жизнь, верно?

– Верно, ой, как верно, гражданин начальник, – Сима потупилась и громко всхлипнула, – я добрая, я очень хорошая, только никто не ценит, не понимает мою чистую душу.

– Зато он, огненный зверь, отлично чувствует твою чистую душу, и следующей его жертвой будешь ты, Сима, – голос Ильи Никитича звучал глухо, жутковато, он придвинулся поближе к Симе, глядел ей прямо в глаза и говорил, стараясь не дышать носом, – ведь он видел тебя? Видел так же ясно, как ты его?

– Да! – прошептала Сима. – Он меня видел! Он за мной придет!

– Придет, – кивнул Бородин, – если мы его не поймаем, обязательно придет. Ну, как он выглядел?

– Рожа вся черная, глаза красные, во рту клыки, – выкрикнула Сима и качнулась на стуле, – ой, не могу, боюсь!

– А чтобы не бояться, помоги нам, Сима, спасти твою жизнь, расскажи все по порядку. Где ты его увидела?

– Во дворе, на лавочке. Он сундучок потрошил. Я за посудой вышла, как всегда, смотрю, сидит. Сзади вроде нормальный, в майке, а как подошла ближе, поглядела сбоку, так и застыла.

– Когда это было?

– Ночью.

– В котором часу?

– Ну, как? В полночь, конечно! У меня часов наручных не имеется, но я определенно знаю, он, поганец, всю дорогу является ровно в полночь.

– Дура, ну дура баба, – внезапно ожил Рюрик, – шлялась где-то, пила без меня, потом пришла и давай вопить, мол, черта во дворе видела с черной мордой и красными глазами. Я грю, тебя, Сима, загнуло, в натуре, а она мне: не веришь, пойдем, покажу, он там, на лавочке, рукодельный сундук потрошит с нитками, ржет и матюкается. Я грю, дура, зачем черту нитки? А она отвечает: раз взял, значит, надо ему. Ищет что-то в клубочках. Нашел ли, нет, не знаю, пойдем, грит, глянем. Я грю, тебе надо, ты иди, а я спать хочу. Короче, это, пристала ко мне, пойдем да пойдем, грит, одной страшно. Только мы собрались, слышим, во дворе шум, голоса. Окошко прямо на третий подъезд выходит, ну и вот, глянул я в окошко, вижу, машина милицейская, ну и все, как положено, в общем, вы сами знаете. Я грю, надо, Сима, погодить, когда менты уедут.

Рюрика прорвало. Видно, он долго, трудно переваривал впечатления прошедшей ночи в своей хмельной башке и наконец, переварив, почувствовал острую нужду поделиться ими с кем-нибудь, хотя бы со следователем и участковым. Сима пыталась пару раз перебить его, но он резко обрывал ее: молчи, дура! Она послушно замолкала, а он продолжал:

– Ну, стали мы ждать, глядим в окошко, а тут как раз труповозка подъехала. Как положено, санитары, менты, и, короче, это, выносят из подъезда труп. Симка, дура, чуть не завопила, хорошо, я ей пасть успел зажать. Пока то да се, уехали, стало совсем светло, я спать хочу, не могу, а она все волокет меня, грит, точно видела, там черт сидел, и это, значит, он человека порешил. Я, грит, даже знаю кого. В третьем подъезде, в сороковой квартире, женщина на кукольной фабрике работала, тихая такая, хорошая женщина, Лилей зовут. Ну и вот, пришли мы, короче, к помойке, а там ниток этих раскидано хрен знает сколько. Симка давай все собирать, сматывать, ну а потом вы, гражданин начальник, подошли.

– Сима, как ты поняла, что убили женщину по имени Лилия из сороковой квартиры? – склонившись к Симе, ласково спросил Илья Никитич.

– По ниточкам, – всхлипнула бомжиха, – по сундучку. Ее это рукоделье.

– Ты что, раньше видела?

– Ага, видела. Она меня зимой два раза помыться пустила, жидкость от вшей подарила, во какая женщина хорошая. Так у ней этот сундучок на столе стоял.

– И ты прямо так его запомнила?

– Ага, запомнила. Очень уж он красивый, старинный. У моей бабушки такой был, тоже нитки всякие хранила, вязать любила.

– Умница, – кивнул Илья Никитич, – а теперь все-таки попробуй вспомнить, как выглядел человек, который потрошил этот красивый сундучок?

– Да не человек он! – завопила Сима так громко, что Рюрик подскочил на стуле, а у Бородин заложил уши. – Сколько вам объяснять? Не человек! Рожа черная, глаза огромные, красные, нос над губой болтается, и рожки, самые натуральные, понимаете вы или нет?! Он ведь прямо как глянул на меня, я чуть не померла со страха, креститься стала, а он заржал и послал меня матерно. Ясно вам?

– Погоди, – кашлянул Илья Никитич, – как же ты его разглядела в темноте?

– Так он под фонарем сидел, да и ночи светлые.

– Значит, лицо черное, глаза красные, на голове рога, – подытожил Бородин, – а волосы?

– Нет у него волос. Лысый он, и голова вся черная, блестящая, и рожки торчат, маленькие такие, красенькие.

– Как тебе показалось, он худой или толстый?

– Плечи широкие, но не толстый.

– Он при тебе со скамейки не вставал?

– Нет.

– То есть какого он роста, ты не видела?

– Да он любого может быть роста, какого захочет, такого и роста, хошь, как мышка, хошь, больше слона.

– Ты говоришь, он послал тебя матерно. Какой у него был голос?

– Визгливый, противный.

– Визгливый? То есть высокий? Может, вообще женский?

– Да хрен его знает, – махнула рукой Сима, – какая разница? Он может любым голосом разговаривать. Хошь, басом, хошь, тенором или вообще высокой сопраной. На меня он завизжал, как свинья.

– Ну да, понятно, – кивнул Илья Никитич, – а сзади, говоришь, он выглядел нормально?

– Нормально. Майка синяя.

Илья Никитич тут же, совсем некстати, вспомнил, что у Люси была футболка синего цвета, и грустно спросил:

– А как же рога? Разве их не видно было сзади?

– Да чего там, видно не видно? Ну, вот представь, ты себе идешь тихо-мирно к контейнеру за посудой, как нормальный человек, в натуре, ну сидит парень какой-то на лавочке. Ты что, будешь его рога разглядывать? Я подумала, это кепка у него такая.

– То есть на нем был головной убор с маской, – устало вздохнул Илья Никитич и взглянул на участкового, – знаете, есть такие специальные магазины, там продаются маски-страшилки. Вот наш убийца и напялил на себя маску черта с рожками. Шутник.

– Не верите? – взвизгнула Сима. – Думаете, он мне спяну померещился? Нет, – она замотала головой, – пришли последние времена. Он будет еще убивать, без разбору, всех подряд, праведников и грешников, вы хоть всю ментуру на уши поставите, ни фига вы его не поймаете.

Глава третья

Близняшки вышли из особняка, в котором находилась редакция журнала «Блюм», и направились к Старому Арбату. У них было три часа до встречи с фотографом Кисой и десять рублей на двоих. Это два пирожка с капустой либо две порции мороженого. Они приехали в Москву из Лобни семичасовой электричкой, встали очень рано и не успели позавтракать, а Солодкин не предложил им даже кофе.

Весной им исполнилось семнадцать. Теперь у них появилась возможность раз в неделю ездить в Москву и завелось немного денег на карманные расходы. Им нравилось шляться по городу. Они, выросшие в подмосковных специнтернатах и детских домах, за бетонными заборами, пьянели от запаха бензина и горячего асфальта, от блеска, шума, от пестрой уличной жизни, от шикарных магазинов, ресторанов, лимузинов, от мужских взглядов, от собственных отражений в зеркальных витринах.

На них оглядывались даже дети и старики. Возле них тормозили иномарки. Их ноги, плечи, спины отливали медовым загаром, их длинные белокурые волосы развевались и сверкали на солнце. Обе высоченные, сто восемьдесят плюс десять сантиметров «платформы», обе тонкие, как афганские борзые, и совершенно одинаковые во всем, кроме возраста. Одна старше на полчаса, и точно не известно, какая именно.

Денег у них было страшно мало, они постоянно, напряженно думали о деньгах, разглядывали наряды в витринах эксклюзивных магазинов, и от этого их голубые глаза делались еще прозрачней и ярче, а щеки наливались нежным румянцем. Им приходилось постоянно одергивать друг друга. Слишком многое было запрещено уставом семейного детского дома «Очаг», в котором им довелось провести последние семь лет. Они не имели права вступать в разговоры с незнакомыми людьми, привлекать к себе внимание, заходить в дорогие магазины, покупать сигареты и спиртное. С семнадцати им разрешили курить, но сигареты выдавали в «Очаге», пачку «Честерфильда» на двоих на три дня.

– Надо было у Солодкина хотя бы сигарет стрельнуть, – вздохнула Ира, доставая из сумочки пачку, в которой осталось всего две штуки.

– Да, надо было, – рассеянно кивнула Света. Она шурилась, тонкие ноздри трепетали. Перед сестричками был Старый Арбат, и от голода кружилась голова. Запахи сводили с ума. Пахло шашлыком, жареными цыплятами, теплой сдобой, в открытых уличных кафе играла музыка. Девочки остановились, наблюдая сквозь решетку, увитую плющом, как накрывают столы в дорогом уютном гриль-баре. Взлетали белоснежные крахмальные скатерти, неспешно проплывали лощенные официанты в бабочках, у входа красовалась яркая вывеска, рекламирующая бизнес-ленч всего за шестьсот пятьдесят рублей.

– Давай хоть мороженого купим, – простонала Света, взглянув на заострившийся бледный профиль сестры.

– Не хочу, – помотала головой Ира, – не желаю я жрать это поганое мороженое. Хочу бизнес-ленч, на белой скатерти, и чтобы такой вот гладкий холуй обслуживал.

– На бизнес-ленч надо заработать, – уныло усмехнулась Света.

– Ага, вон ту обменку грабануть. У тебя случайно в сумочке пушка не завалялась? О-ой, как жрать хочется, сил нет! – Ира закатила глаза. Она умела делать это очень страшно, в глазницах были видны только белки. Света тоже умела, но никогда не делала.

Много лет назад старенькая санитарка в детдоме сказала, что если кто-нибудь напугает в этот момент, то глаза останутся белыми и слепыми на всю жизнь. Света пыталась отучить сестру от идиотской привычки, но Ира не поддавалась воспитанию, ей нравилось делать то, чего нельзя, пусть даже самой себе во вред. Она стояла перед сестрой, изредка моргая, показывая перламутровые белки в тончайшей нежно-розовой сосудистой паутинке. Она все время

кого-то играла, могла спародировать любого человека, зло, смешно и очень похоже. Сейчас она не просто гримасничала. Она готовилась стать живой карикатурой.

Оглянувшись, Света заметила беременную слепую нищенку. Молодая женщина стояла в двух шагах от них, у входа в гриль-бар. Глаза ее были затянуты мутными, как медузы, бельмами. На ней был мужской пиджак в клеточку, под пиджаком короткий, выше колен, ситцевый сарафан в цветочек. Он туго обтягивал огромный овальный живот с пупочной ямой посередине. Казалось, тонкие искривленные ноги в голубых варикозных буграх едва удерживают вес живота, в котором вполне могла уместиться двойня. Нищенка водила руками по воздуху, гнусаво бормотала:

– Люди добрые, помогите, чем можете...

Света перевела взгляд на сестру и увидела то, что ожидала увидеть. Белые глаза, оттянутые вниз уголки рта, выпяченный живот, руки, ощупывающие теплый воздух, ноги, чуть согнутые в коленях, имитирующие уродливую кривизну.

– Люди добрые, помогите... – жалобно заголосила Ирина, в точности копируя тягучую гнусавость нищенки, – рожаю, помогите! Ой, щас как рожу прям здесь, в натуре, сразу двоих, ох, не могу, помогите, хочу косуху зелеными, только косуха спасет молодую мать!

– Прекрати! – рявкнула Света. – Прекрати сейчас же, на нас смотрят!

На них действительно смотрели торговки матрешками и павловскими платками, уличные музыканты, художники, скупщики золота. Арбатская публика по достоинству оценила маленький спектакль. Ира, чувствуя зрительское внимание, разыгралась еще вдохновенней:

– Дайте, дайте тысячу долларов моим голодным малюткам! Люди вы или звери? Пожалуйста, ради Бога, тысячу баксов!

Получалось смешно и страшно. Первой засмеялась торговка, вслед за ней музыканты и художники. Только скупщик золота глазел на представление с каменным лицом. Несколько прохожих остановилось, потихоньку собиралась небольшая толпа. А натуральная нищенка между тем гнусавить перестала, быстрым движением вполне зрячего человека достала из кармана пиджака темные очки, звякнула мешком с мелочью и рванула к ближайшему переулку.

– Я была чистой девочкой, свежей, как роза! Он, гад паршивый, отнял у меня мою святую чистоту! Я могу назвать его имя, все знают его имя, но тогда он наймет киллеров! Он занимает высокий пост и боится разоблачений! Люди, спасите моих детей! Я слепая от рождения, но его, гада, определила на ощупь. Люди, дайте мне тысячу баксов, ну пожалуйста, умоляю вас! Моим деткам нужны витамины, белки, жиры, углеводы, иначе они родятся маленькими злыми дебилями, а когда вырастут, будут угрозой для общества, для ваших детей! Помогите своим детям, господа, дайте бедной беременной девушке тысячу баксов. Всего одну косуху зеленую, ну разве для вас это деньги?

Света поразилась, откуда у ее худенькой сестренки взялось такое выпуклое пузо. Публики собиралось все больше, и кто-то уже лез в карман. Не было под рукой шапки, чтобы положить под ноги. Вполне возможно, Ире за ее концерт насыпали бы рублей тридцать, а то и больше.

Между тем сквозь толпу прорвался маленький дедок в холщовой кепке. Сморщенная лапка с траурными когтями крепко вцепилась в белое платье Иры. А из переулка, в котором исчезла убогая героиня Ириной блестящей импровизации, не спеша выплыли два молодых мрачных амбала в шортах и боксерских майках. За ними, животом вперед, семенила беременная в темных очках. У входа в гриль-бар маячила мощная фигура охранника.

– Милиция! Уберите мерзавку! Над нищей женщиной издевается! Над горем человеческим глумится! Арестуйте ее! – орал дедок в кепке, брызгая слюной.

– Ирка, дура, линияем, быстро! – Света схватила сестру за локоть и потянула так сильно, что обе едва удержались на ногах.

Справа наступали амбалы, покровители нищенки, слева показалась пара милиционеров. Девочки кинулись в толпу, Ира, продолжая изображать слепую, упала на зазевавшегося прохожего. Это был пожилой иностранец, он вежливо поддержал Иру, она обняла его и зашептала:

– О, дарлинг! Сенкью! Ай лав ю!

У Светы пересохло во рту. Ее сестренка, вместо того чтобы убежать, чуть ли не целовалась с обалдевшим иностранцем, и дело могло закончиться отделением милиции. За что, не важно. Все знают, что на Арбате куплен каждый квадратный сантиметр. Не только торговцы, скупщики, художники, но и нищие платят милиции, имеют свою бандитскую крышу. Невинный Иркин спектакль может обернуться неприятностями. За кого бы ее ни приняли, за натуральную нищенку или за артистку легкого жанра, она в любом случае кому-нибудь здесь конкурент. А конкурентов не щадят.

– С ума сошла! – Света оттащила сестру от иностранца. Милиционеры почему-то сначала решили проверить документы у дедка в кепке. Наверное, потому, что он продолжал орать и материться на весь Арбат.

Сестричкам хватило минуты, чтобы нырнуть в переулок. Бегали они на своих мягких пружинистых платформах чрезвычайно быстро, петляли по переулкам и проходным дворам, уже через пять минут оказались на Гоголевском бульваре и окончательно скрылись в метро. Они даже не успели понять, гнался ли кто-нибудь за ними. Доехали до Чистых прудов, вышли, уселись на лавочку на бульваре, закурили.

– Ты соображаешь, что творишь? – тихо спросила Света.

– А что я творю? – Ира пожала плечиком и засмеялась. – Классный получился спектакль. Всем было весело.

– Ага, вот замели бы нас в ментовку или просто избили. Было бы очень весело.

– За что? – Ира округлила глаза. – За что, дяденька? Мы хорошо себя вели, никого не трогали, – она опять играла, канючила тоненьким жалобным голоском. Свете захотелось ее ударить.

– Слушай, Ирка, в последний раз предупреждаю, если ты не прекратишь свои штучки, я... – Она понятия не имела, что сделает, и от этого завелась еще больше: – Ну какого хрена ты все время выдрючиваешься? Ты понимаешь, чем это может кончиться? Рано или поздно наши узнают, что ты творишь, и в город нас больше не выпустят. Нельзя привлекать к себе внимание, нельзя, Ирка, быть кретинкой, если тебе на себя плевать, обо мне подумай.

– Терпеть не могу, когда ты так со мной разговариваешь.

– Как хочу, так и разговариваю. Я старшая.

– Подумаешь! – Ира закатила глаза и презрительно фыркнула. – Старше всего-то на полчаса. Между прочим, наша драгоценная мамочка могла сто раз перепутать. Теперь уж не спросишь. Ладно, пошли. Жрать хочу, умираю.

– Она могла, а я нет, – выпалила Света, вскакивая со скамейки, – все помню, как сейчас. Мы с тобой долго в проходе толкались, спорили, чуть не задохнулись. Но ты все же уступила.

– Ага, конечно! Просто ты мне врезала ногой в пузо, и вперед с песней. Думаешь, я не помню? Век не забуду!

– Что ты можешь помнить? Что? Ты не дышала, когда родилась, тебя еле откачали!

– Правильно. Все потому, что у меня сестра эгоистка! Ты меня объедала, ты была тяжелее на целых двести грамм!

Света присвистнула и покрутила пальцем у виска. Ира сделала то же самое, и обе тихо рассмеялись. К ним тут же подскочили сразу четверо молодых людей и попытались вежливо выяснить, что их так насмешило, свободны ли они сегодня вечером и не хотят ли отправиться прямо сейчас на пляж в Серебряный бор.

– Нет, мальчики, нет, – заливаясь смехом, Ирина помотала головой, и сестры ускорили шаг. Мальчики отстали.

– Кончай ржать, – отрезала Света, и лицо ее моментально стало серьезным, – приведи себя в порядок. И учти, еще раз сорвешься, завтра останешься дома.

– Да че ты, в на-атуре, Свет, прям ваще, деловая! Скинь понты, сеструха, – прогнусавила Ирина, смешно копируя провинциальный прибалтийский говор, – смотри, какой классный кабак, ох щас покушаем!

Они остановились у стеклянной двери маленького, явно дорогого кафе. Света не успела опомниться, а ее сестренка уже взялась за дверную ручку. Звякнул колокольчик, они оказались в полутемном зеркальном вестибюле, к ним навстречу вышла холеная пожилая дама в белой блузке и черной юбке.

– Добрый день, вы пообедать или просто кофейку? – Дама улыбалась им, как родным. У Светы скулы свело от тоски. Она уже не сомневалась, что Ира окончательно сошла с ума.

– Нет, мы... простите... – пробормотала она, вцепившись в руку сестры и пытаясь вытянуть ее из этого дорогущего заведения.

– Мы бы хотели пообедать, – скромно сообщила Ира и незаметно, но больно пихнула сестру локтем в бок.

– О, Господи! – простонала Света, когда они оказались за столиком. – Ты что, надеешься смотаться отсюда прежде, чем принесут счет? О чем ты вообще думаешь?

– Я буду цыпленка-табака. А ты? – Ира оторвалась от меню и вопросительно взглянула на сестру. – Может, возьмем красной икорки на закуску? Хотя нет. Лучше черной.

– Хватит надо мной издеваться, – медленно произнесла Света, чувствуя, как лицо ее наливается краской, – мы не сумеем отсюда уйти и окажемся в милиции. Оттуда позвонят в Лобню. Телефон они узнают по адресу, который написан в наших паспортах. Мама Зоя за нами приедет, заплатит, а потом сама знаешь, что будет. Ирка, мне страшно. Давай сейчас же встанем и уйдем, пока не поздно. Извинимся, скажем, что забыли дома деньги, и уйдем.

– А разве мы забыли дома деньги? – Ира помахала ресницами, залезла в свою сумку и вытащила плотную пачку сторублевок, перетянутую резинкой, хлопнула ею по ладошке, подмигнула и прошептала еле слышно: – Я ведь не даром целовалась со старым американским хреном. За все надо платить. Вот он и заплатил за мою нежность.

У Светы слегка закружилась голова. В пачке было не меньше пяти тысяч. Ира тут же спрятала деньги. К столику подошел официант с бабочкой и молча встал, приготовившись принять заказ.

– Та-ак, пожалуйста, на закусочку рыбное ассорти, салат из крабов, порцию черной икорки. Теперь горячее. Цыпленка-табака хорошие у вас?

Официант кивнул. Света смотрела на сестру с ужасом и с восторгом. Они впервые в жизни были в кафе, но Ирка вела себя так, словно каждый день обедала в таких вот уютных заведениях.

– Светуль, может, тебе тоже цыпленочка?

– Я хочу котлету по-киевски, – прошептала Света, судорожно сглотнув.

Когда ей было девять лет, в интернатской библиотеке она откопала кулинарную книгу, утащила и спрятала под матрасом. Иногда потихоньку листала, рассматривала цветные картинки, читала описания блюд, и почему-то больше всего ей хотелось попробовать именно котлету по-киевски, с бумажной розочкой, с растаявшим маслом внутри.

Закуски принесли почти сразу. Сестрички были такими голодными, что смели все в один момент, не успев почувствовать вкуса икры, семги и крабового салата. В ожидании горячего закурили, и Света спросила шепотом:

– А если бы он заметил?

– Когда нормального мужика обнимает такая красотка, он вряд ли заметит что-либо, кроме ее губ, глаз, сисек и прочих прелестей, – улыбнулась Ира, – в принципе я могла бы вытащить и бумажник. Он лежал во внутреннем кармане пиджака. Конечно, это было сложнее,

но я могла бы. Однако я не такая дура. В бумажнике у него наверняка только кредитки, паспорт и фотографии любимого семейства. Иностранец без паспорта – это серьезно. А так, подумаешь, баксов двести вытянули из кармана штанов. Переживет. Может, даже и в ментуру не обратится.

– Почему ты выбрала именно его?

– Видела, как он доставал пачку денег, хотел купить платок или матрешку, но потом раздумал, убрал назад, в карман.

– Поклянись, что это в первый и в последний раз!

– Конечно, сестренка. Я знаю, брать чужое нехорошо.

Принесли горячее. Котлета по-киевски полностью оправдала надежды, все было как на картинке в старой кулинарной книге. Сестры ели не спеша, пробовали друг у друга, смаковали каждый кусочек. На десерт они заказали по фруктовому салату и по куску горячего яблочного пирога, потом выпили кофе, расплатились, вышли на улицу. Фотограф Киса жил неподалеку, до назначенного времени оставалось еще сорок минут. Они не спеша побрели по бульвару, и вдруг Ира остановилась, согнулась, схватилась за живот и жалобно застонала.

– Что с тобой? – испугалась Света.

Ира смеялась. На нее напал неодолимый смех, до слез, до икоты.

* * *

Судебный медик в своем заключении сообщал, что смерть Коломеец Лилии Анатольевны наступила в результате ножевого ранения в сердце. Правда, это ранение, как и все прочие, было нанесено не широким кухонным ножом, который валялся на полу рядом с трупом. У орудия убийства форма клинка напоминала самодельную заточку. Впрочем, эксперты не настаивали на этом, только предполагали. Возможно, убийца действовал ножом промышленного производства типа кортика с узким ромбовидным лезвием.

Никакого клофелина, никаких наркотиков, ядов, ничего, что могло бы обездвижить убийцу, лишить ее возможности сопротивляться и кричать, в организме не нашли. Вообще, Коломеец Лилия Анатольевна при жизни отличалась крепким здоровьем, не курила, не употребляла спиртного.

– В наше время редко попадают такие здоровые люди. Удивительно чистый организм, могла бы жить еще лет пятьдесят, – хмуро сообщил судебный медик Илье Никитичу, – однако я не понял, что же вам не ясно?

Он собирался домой, очень устал, думал о том, что впереди два выходных, и стоит ли поехать на дачу сегодня или лучше провести вечер дома в одиночестве, поваляться на тахте перед телевизором с банкой холодного пива и пакетом соленого арахиса, а на дачу отправиться завтра с утра пораньше. Очень уж не хотелось после длинной маторной рабочей недели сразу, без передышки, попадать в свой семейный муравейник, на тесные шесть соток, где придется копать огород, что-то пилить, чинить и активно общаться с тещей. Он уже окончательно решил подарить себе тихий, спокойный вечер перед телевизором, когда увидел в коридоре у раздевалки следователя Бородин, маленького, толстенького, с седыми аккуратными бачками вдоль круглых щек, в светлых брюках и трикотажной рубашке в полосочку. Бородин держал в руках папку с документами и виновато улыбался.

– Простите, я понимаю, вы устали и собирались идти домой. Я не отниму у вас много времени. Вы вот здесь не указали, имелись ли еще какие-либо повреждения, кроме ножевых ранений.

– Правильно, не указал, – буркнул эксперт, – не было ничего, кроме ножевых. Я же вам только что объяснил, очень здоровая, крепкая женщина.

– Вы меня не поняли, – грустно покачал головой следователь, – я хочу выяснить одну простую вещь. Перед тем как бить ножом, ее могли как-то отключить?

– Там все написано! В крови ничего нет.

– Ничего нет, – вздохнул Бородин, – значит, она умерла моментально?

– Ну а как еще умирают при ножевом ранении в сердце?

– Не знаю. Я не специалист. Специалист вы, Кирилл Павлович, именно поэтому я к вам и обращаюсь. Успела она закричать или нет? Это меня, знаете ли, очень беспокоит. – Бородин стоял напротив эксперта, мягко, виновато улыбался, и было ясно, что не отстанет, пока всю душу не вымотает. Пропадало драгоценное время, таял чудный одинокий вечер в пустой тихой квартире с холодным пивом и солеными орешками.

«Гвоздь в заднице, вот что тебя беспокоит, – подумал эксперт, – будь ты помоложе да понахальней, послал бы я тебя с большим удовольствием. Две вещи тебя спасают, старший следователь Бородин, возраст и вежливость».

– Кирилл Павлович, могла она кричать и сопротивляться или нет? – настойчиво повторил Бородин.

– Разумеется, могла, – буркнул эксперт, – человеку свойственно кричать и сопротивляться, когда его режут.

– Нет, я имею в виду, у нее было время, хотя бы несколько секунд, или она умерла моментально?

«Елки зеленые, – простонал про себя эксперт, – он отвяжется когда-нибудь?»

– Ну, было, и что? Что это меняет? – произнес он с вызовом. – Да, у нее была минута точно. А может, и больше. В принципе удар в сердце сам по себе не являлся смертельным, там задет только правый желудочек, но если учесть, сколько всего ножевых ранений, то картина абсолютно ясная. Все?

– Почти все, – смиренно кивнул Бородин. – Однако представьте эту абсолютно ясную картину, восемнадцать ножевых ранений. Жертва – здоровая молодая женщина, не пьяная, не под наркотиком, не парализованная. Может такое происходить в полной тишине? Могли ее убивать шепотом и на цыпочках?

– Как это? – эксперт поморщился и тряхнул головой.

– Стены в доме очень тонкие, а соседи ничего не слышали, – объяснил Бородин с легким вздохом.

– Так, может, их дома не было?

– В том-то и дело, что были.

– Ну, не знаю, телевизор смотрели, радио слушали, спали, в конце концов. Ну чего вы от меня хотите? Я свое дело сделал, заключение написал, там все подробненько...

– Я хочу, чтобы мы вместе посмотрели еще раз, не осталось ли на теле следов какого-нибудь предварительного оглушающего удара, по голове, например, или по шее.

– Ну давайте, давайте посмотрим, – сдался эксперт, – честное слово, не понимаю, зачем вам это.

Он курил у подоконника и матерился про себя, пока Бородин разглядывал голову и шею трупа. Он знал совершенно точно, что никаких внешних повреждений, кроме восемнадцати колотых ран, на теле не было и быть не могло. Он ведь тоже не вчера родился и на своем веку перевидал насильственных трупов сотни три, не меньше. Как правило, если человека режут, его перед этим не душат. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

– Кирилл Павлович, можно вас на минуту? – тихо позвал его Бородин. – Вот, взгляните сюда. Что это, как вы думаете?

Пухлый палец указывал на продолговатое темно-красное пятно на шее. Эксперт несколько секунд молчал, наконец тяжело вздохнул и произнес, покосившись на следователя:

– Ну, допустим, кровоподтек.

– Допустим или точно?

– Послушайте, я не понимаю, вы что, настаиваете на дополнительной экспертизе? – повысил голос Кирилл Павлович. – Тогда давайте оформлять все как положено.

– Нет, на дополнительной экспертизе я не настаиваю, – замотал головой следователь и, помолчав, добавил задумчиво: – Пока не настаиваю. Сейчас мне просто нужна от вас небольшая консультация. Для меня не совсем ясна картина смерти.

– Женщину восемнадцать раз ударили ножом. Вам что, мало этого?!

– Мне достаточно, – Бородин одарил эксперта теплой лучезарной улыбкой, – я просто хочу выяснить, почему она не кричала и не сопротивлялась. Вот видите, мы с вами внимательно посмотрели и обнаружили кровоподтек. Такой след, если не ошибаюсь, мог остаться в результате удара тупым предметом, ребром ладони, например. Здесь, – он ткнул пальцем в собственную розовую пухлую шею, – проходит сонная артерия. Впрочем, я не специалист. Специалист вы, Кирилл Павлович.

«Совсем сдвинутый, – подумал эксперт, – разве нормальный человек будет на себе показывать?»

– Да это вообще может быть родимое пятно, – буркнул он, – или вы думаете, ваша олигофренка на самом деле Жан-Клод Ван Дамм?

– Как, простите? Вам Дамм? Кто это? – Бородин подался вперед всем корпусом, склонил голову набок и стал похож на старого говорящего попугая. Эксперт не выдержал и рассмеялся. В пустом кафельном морге загудело эхо. Бородин удивленно подвигал бровями и быстро прошептал:

– Ох, как заразительно смеетесь, Кирилл Павлович. Я понимаю, это нервное. Конечно, это у вас от усталости.

Судебный медик успокоился, откашлялся и тихо, доверительно спросил:

– Илья Никитич, простите, вы издеваетесь, да? Вы что, правда не знаете, кто такой Жан-Клод Ван Дамм?

– Какой-то известный спортсмен?

– Кинозвезда, герой самых крутых американских боевиков.

– Ну да, ну да, – рассеянно кивнул следователь, – то есть вы хотите сказать, что удар по сонной артерии был нанесен человеком, который владеет приемами каратэ?

– Да, причем владеет неплохо. В принципе такой удар относится к разряду смертельных. Каратист не мог не знать этого. Если надо было убить, одного такого удара хватило бы. Более того, было бы весьма сложно установить истинную причину смерти. Это профессионал тоже должен знать. Зачем понадобилось еще восемнадцать ножевых ранений?

– То есть вы не исключаете, что эти ранения нанесены посмертно?

– Точно установить нельзя, все происходило слишком быстро. Слушайте, а ведь она маньячка, эта ваша подозреваемая. Она вырубил тетушку, а потом стала ее резать, уже для собственного удовольствия. Кстати, нашли орудие убийства?

– Нет.

– Вот это класс! – присвистнул эксперт. – А что говорят психиатры про вашу подозреваемую? Может, она вообще никакая не олигофренка, просто устроила спектакль? Кончила тетушку, потом поняла, что не сумеет замести следы, и решила так красиво закосить?

– Спасибо, – кивнул Бородин, – хорошая версия. Нет, психиатры исключают симуляцию. Девочка действительно больна с рождения. Олигофрения в стадии дебильности. А приемами каратэ она не владеет. Девочка полная, рыхлая, вряд ли она вообще знает, что такое каратэ.

– Жаль, жаль, – покачал головой Кирилл Павлович, – похоже, дело может зависнуть и заглохнуть. А так все хорошо начиналось, по материалам все так ясно и гладко выходило. Теперь уж, понятно, придется искать убийцу-каратиста, Жан-Клода Ван Дамма. Или нет?

– Да, – кивнул Илья Никитич, – придется искать.

Глава четвертая

Олег Солодкин принял дозу, ему стало хорошо, и жестокие сомнения оставили его. Он продолжал глядеть в компьютерный экран, но уже не видел там никаких мух и личинок. На экране и в его просветленном мозгу порхали, приятно шурша крыльями, райские бабочки, крошечные птички колибри сверкали радужным оперением, нежные теплые ангелы шептали ему на ухо, что все замечательно.

«Ну зачем себя мучить? – весело думал Олег. – Да, я наркоман. Я сумасшедший. Иногда не отдаю себе отчета в собственных действиях и все забываю, забываю. Какой ужас! Однако ведь правда, все гении были сумасшедшими. Творчество требует огромного напряжения духа, для творца мир должен всегда оставаться загадочным и прекрасным. А это возможно только под кайфом. Байрон курил опий и страдал эпилепсией. Мопассан злоупотреблял морфием. Блок умер от кокаина. Эдгар По был доставлен в больницу для бедных в состоянии наркотического опьянения и умер там от кровоизлияния в мозг. Ему было сорок, как мне сейчас. В этом возрасте надо либо умереть, либо начать все с нуля».

Начать с нуля было, конечно, приятней. Он представлял, что за спиной у него не сорок лет реальной жизни, а полнометражный художественный фильм, гениальное кино, полное и свободное выражение его глубокого, неповторимого внутреннего мира.

Всякий раз после очередной «завязки», после ломок и депрессий он, приняв дозу, возвращался к сладкой детской мечте о гениальном кино, которое поможет ему освободиться от прошлого и начать с нуля. Столько всего интересного роилось у него в голове, яркие, причудливые образы просились на бумагу, то есть на экран компьютера, а потом на киноэкран. Он закрывал глаза и видел череду выразительных картинок. Казалось, стоит прикоснуться к клавиатуре, и текст заветного киносценария польется плавно и легко, как джазовая импровизация.

Он изобразит себя в детстве, маленького толстого мальчика, закормленного жирными деликатесами, замученного французской спецшколой, музыкальной школой. Он наполнит действие пронзительным, как зубная боль, визгом ученической скрипочки. Мама хотела сделать из него великого музыканта, чтобы сообщать всем вокруг: «Мой сын – великий музыкант». Маленькая скрипка стала для него мистическим одушевленным существом. Когда он брал ее в руки, прижимал к челюсти, касался смычком тугих дрожащих струн, голова его наполнялась болью, а душа ненавистью. Это создание, полое внутри, гладкое, обтекаемое, лоснящееся маслянистым лаком снаружи, издавало в его руках омерзительные визги и скрипы. Олег подозревал, что ненависть взаимна. В руках учительницы музыки его скрипочка сладко пела и захлебывалась счастьем, как любящая собачонка при встрече с хозяином.

В музыкальной школе ему задавали огромные домашние задания, и даже в те дни, когда не надо было ходить на занятия, он должен был пилить на инструменте по несколько часов. Родители проводили целые дни на работе, но обложили его со всех сторон, как волчонка красными флажками. Они дарили подарки лифтершам и за это получали исчерпывающую информацию, в котором часу он вернулся из школы, уходил ли куда-то еще, приходил ли кто-то к нему. Они дарили подарки всем его учителям и настоятельно просили держать мальчика в ежовых рукавицах, подробно докладывать, как он выполняет домашние задания, как ведет себя, с кем дружит.

Он не мог гонять мяч на спортплощадке, шлаться в компании мальчишек по окрестным дворам и переулкам, залезать на таинственные вонючие чердаки и там, чувствуя себя взрослым, сильным, курить, пить портвейн, травить оглушительно похабные анекдоты. Он был толстым, неуклюжим, застенчивым мальчиком со скрипочкой. А хотел быть поджарым, ловким пацаном, настоящим дворовым пацаном, которого все знают, уважают и боятся.

Лет в двенадцать он начал таскать у матери сигареты, но курить в одиночестве на балконе было неинтересно. Тошнило, кружилась голова, приходилось идти на сложные ухищрения, чтобы родители не заметили, и трястись от страха, что все-таки заметят. В родительской спальне, перед зеркалом, он пытался выработать особенную, вкрадчиво-расхлябанную бластную походочку. Приспускал штаны, подволакивал ноги. Корчил рожи, копируя надменно-томную гримасу, с которой матерились и плевали сквозь зубы его ровесники, дворовые боги. Глотал лед, чтобы голос стал хриплым. Глядя в глаза своему растерянному отражению, произносил витиеватые матерные тирады. Шариковой ручкой рисовал на груди кресты и черепа. Тер наждаком костяшки пальцев, имитируя последствия удачного удара кому-то в зубы.

Огромное, трехстворчатое зеркало было немым свидетелем отчаянных одиноких представлений. Толстый мальчик часами выделялся перед ним, вместо того чтобы общаться со скрипкой. Зеркало видело и те позорные минуты, когда стрелки часов подползали к восьми и мальчик метался в панике, стирая плевки со светлого паласа, пасту шариковой ручки со своего тела, прижигая одеколоном стертые до крови костяшки, хватался за скрипку, которая валялась тут же, на родительской кровати, и, суматошно водя смычком по струнам, уносился к себе в комнату. Мать всегда возвращалась к восьми. У нее был удивительно чуткий слух, она еще на лестничной площадке улавливала голос скрипки, и если слышала, что мальчик занимается, входила в квартиру с улыбкой, весь вечер оставалась ласковой и какой-то даже трепетной по отношению к сыну.

Всякий раз, когда приходили гости, мать, дождавшись подходящего момента, произносила небрежно, как бы между прочим:

– Олежик, ты нам сыграешь?

Он ненавидел себя за то, что не мог сказать: «Нет, мама». Он скромно опускал глаза, кивал, доставал из футляра проклятую скользкую деревяшку и с пылающими ушами, с мокрыми подмышками выходил на середину гостиной. Гости почтительно затихали. На лицах читалось умильное внимание. Даже те нестерпимые звуки, которые издавало маленькое чудовище в его потных руках, не сдували со взрослых лиц серьезного выражения. Они покорно слушали, терпели, потом хлопали в ладоши и одобрительно кивали: «Да, очень музыкальный мальчик».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.